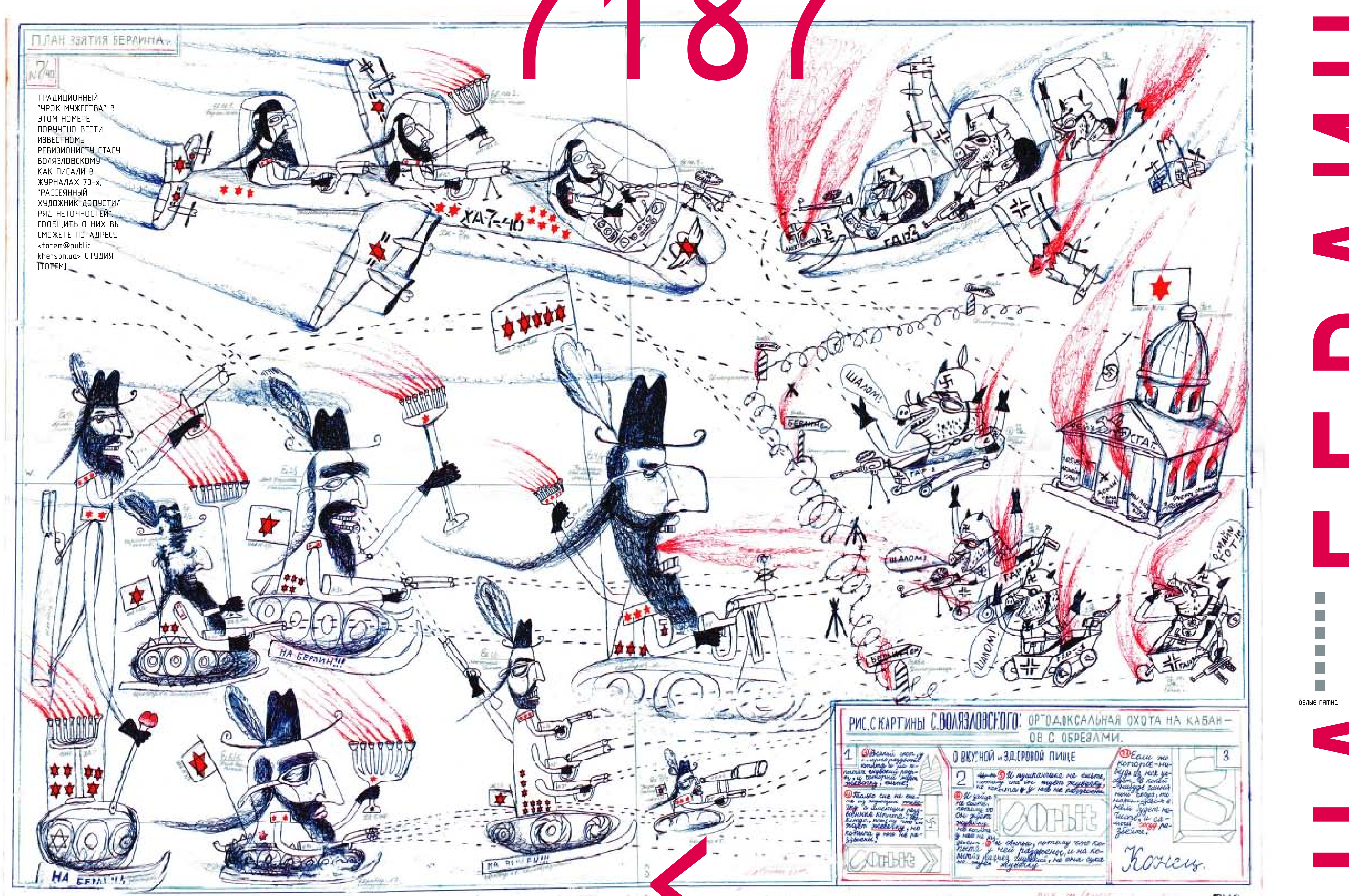
НА БЕРЛИН

ТРАДИЦИОННЫЙ "УРОК МУЖЕСТВА" В ЭТОМ НОМЕРЕ ПОРУЧЕНО ВЕСТИ ИЗВЕСТНОМУ РЕВИЗИОНИСТУ СТАСУ ВОЛЯЗЛОВСКОМУ. КАК ПИСАЛИ В ЖУРНАЛАХ 70-х, "РАССЕЯННЫЙ ХУДОЖНИК ДОПУСТИЛ РЯД НЕТОЧНОСТЕЙ". СООБЩИТЬ О НИХ ВЫ СМОЖЕТЕ ПО АДРЕСУ <totem@public.kherson.ua> СТУДИЯ [ТОТЕМ]

ПИВО ТВОЄЇ БАТЬКІВЩИНИ

фото: александр кадников <kodak67@mail.ru>

репортаж с молодежного музыкального фестиваля "ЧАЙКА"

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

Жил-был в Одессе маленький мальчик по имени Герман Попов. Под ногами у него плескалось теплое Черное море, а над головой поблескивал звездами огромный черный космос. Мальчик жил в стране, покорившей этот космос, и не стремиться к звездам он не мог по определению; тем более имя его почти совпадало с именем второго советского космонавта.

Прошли годы, мальчик вырос, а его великая страна начала приготовления к собственной смерти. До космоса в ней уже никому не было дела, и Герман решил перебраться в Амстердам. Где вместо космоса сразу же попал в дурную компанию – начал петь по ресторанам. Потом, правда, одумался и организовал группу с названием "Спутник". И записал с ней альбом космического лаунжа "Любимые песни советских космонавтов". Но вспомнил о корнях и назвал себя Our Man From Odessa ("Наш Человек Из Одессы"), или O.M.F.O. – чтобы не пугать европейцев названием "жемчужины у моря". И уже под этим именем отправился бороздить музыкальные космические просторы. А чтобы одному не было скучно, собрал группу из таких же, как и он, музыкантов непонятного роду-племени, играющих на разных диковинных инструментах:

от тара и цимбал до вибрафона и терменвокса. И придумал историю, что все в составе OMFO - члены космолета, давно покинувшего пределы Земли, и каждый из них является носителем своей культуры. А идеальные слушатели их музыки - чабаны и астронавты...

В целом, OMFO - это воплощение концепции мультикультурализма, доведенное до абсурда. Принимая на веру постулат о том, что фольклор 21 века представляет собой микс этники и электроники, Попов под видом "этники" протаскивает в эту формулу невообразимый трэш из пыльных загашников национальных культур: одесский блатняк, армянские бандитские напевы, музыку азербайджанских свадеб, песни допотопных ВИА и многое другое. В сочетании с незамысловатой - если не сказать нарочито примитивной - "электроникой" получается поистине ядовитая смесь, находящаяся на стыке махрового масс-культа и ироничного авангарда. Пользующаяся при этом немалой популярностью: OMFO с успехом выступают на этнических и электронных фестивалях по всей Европе, их музыка обнаруживается в самых неожиданных местах: от звукового оформления павильона Центральной Азии на Венецианской биеннале до саундтрека к фильму "Борат". Недавно в любви к группе признался даже Флориан Шнайдер, один из основателей Kraftwerk (учитывая то, что названия обоих альбомов группы - "Trans Balkan Express" (2004) и "We Are The Shepherds" (2006) - пародируют названия знаменитых крафтверковских хитов, все это напоминает ситуацию, когда Роберт Плант прилюдно фланировал в футболке группы Dread Zeppelin) Правда, с аутентичностью восприятия этой музыки иногда возникают проблемы: с одной стороны, многие западные европейцы искренне верят, что им демонстрируют подлинный фолк Восточной Европы (пусть и слегка подзвученный современными ритмами). С другой стороны, когда в апреле этого года OMFO впервые выступили в Москве - в рамках фестиваля электронной музыки и медиа-искусства AbRaCaDabRa - любители техно, дрилл-н-баса и прочего нойза открыто возмущались, почему со сцены им впаривают "откровенный кабак".

Испытывая необъяснимую симпатию ко всякой музыкальной лоу-файщине и ее создателям, мы попросили пресс-атташе "Абракадабры" Филиппа Миронова побеседовать с Германом Поповым об этапах его пёстрого и запутанного творческого "Стар Трека".

– Давай начнем беседу с биографии. Ты из Одессы, из какой семьи?

Моя мать работала вторым режиссером на Одесской киностудии. Отца у меня нет. Воспитывался с бабушкой и дедушкой: дедушка был полковником милиции, бабушка - домохозяйкой. Типичная советская семья.

– В школе ты, наверное, носил длинные волосы, тусовался, пил портвейн, слушал "модный музон"?

Длинные волосы у нас в школе запрещали - так я виски сбривал в 8-ом классе. Слушал в основном диско, Kraftwerk, Rockets, Жана-Мишеля Жарра. Крафтверковская пластинка "Man Machine" здорово меня преобразила. Я помню, у нас на выпускном танцевали под нее медленные танцы. Представляешь, выпускники в костюмах-троечках кружились под Kraftwerk.

После школы я не понимал, что делать. Хотелось связать свою жизнь с какой-нибудь точной наукой - астрономией, астрофизикой, математикой, - но к сожалению, природного расположения к ним у меня не обнаружилось. Пошел в Одесский электротехнический институт связи, где через год пришлось лечь "на дурку" - в то время даже студентов забирали в армию после 1-го курса.

– Что из себя представлял этот процесс – "лежание на дурке"? Нужно было притворяться?

Мне было легче - во 2-ом классе у меня был диагностирован синдром страха, и месяц я провел в психоневрологическом диспансере. Ты не думай, это не дурдом, где шизики. Там богатые еврейские дети лежали с нервами, проходили инсулиновую терапию, которая была тогда запрещена во всех странах мира, кроме СССР. Тебя доводят до инсулинового шока, держат в нем какое-то время и постепенно выводят. Если у тебя шизофрения или маниакально-депрессивный синдром, то информация этим инсулиновым шоком стирается из мозга, как с пленки. И голова становится "blank" - пустой. Якобы, это было одной из форм лечения тяжелых шизофреников. На самом деле, официальная доктрина того времени была такова, что, если ты хочешь отмазаться от армии, ты уже шизик.

Меня призывали в 86-ом году, и очень реально было загреметь в Афганистан. И единственное мое притворство было в том, что я отказался спать на белых простынях. Во всем остальном - вел себя как нормальный человек. Говорил им еще, что хочу завалить пару душманов. Дескать, у меня бабушка больная, и мне приснился сон, что, убив душманов, я помогу ей выздороветь. При этом я не должен был косить по полной, чтобы вся моя советская карьера пошла под откос.

– Ты был комсомольцем?

Да, комсомолец, политинформатор, активный член организаций. Мое мировоззрение поменялось только в институте, а в школе я был примерным. Короче, после моих заявлений о душманах мне дали отсрочку... А на 4-ом курсе я познакомился с немкой, и у нас завязался роман. Она приехала в СССР на машине. Просто туристка, изучала русский язык. Тогда перестройка шла полным ходом, 89-ый год, был большой интерес к нашей стране, и граждане ФРГ практически свободно могли путешествовать по СССР. Вообще, горбачевские времена отразились очень неприятным образом на нашей семье: мама запретила мне встречаться с моей возлюбленной. Но отношения все равно продолжились, а через полгода мы просто с ней поженились. Познакомились в августе, в декабре расписались, в конце марта я уехал с ней в Голландию.

– Когда вы с ней познакомились, ты уже воспринимал ее как дверь в Европу?

Конечно, желание уехать было очень сильно. В конце 80-х многие в СССР мечтали только об одном - уехать. И кстати, это было большой ошибкой СССР: именно напряги на выезд за границу спровоцировали многих на побег. Я не эмигрировал, я уехал как турист. Оформил туристическую визу, потом продлил, потом попросил вид на жительство. Получил. А от советского гражданства я никогда не отказывался.

– Чем ты занимался поначалу в Голландии? Что обычно делали советские эмигранты, перебравшиеся в Европу?

Ничем не занимался; нашел русскую библиотеку при университете, где училась моя тогдашняя жена, и просто читал книги, писал стихи. Честно скажу, никогда не думал стать музыкантом, хотя в Одессе и играл в любительских домашних рок-группах... В Амстердаме я пытался держаться от русской диаспоры как можно дальше. Но вдруг познакомился с одним одесситом, у которого тоже была супруга-голландка. Это был Алик Копыт - он довольно известен сейчас и там, и в России. Мы собирались у него на чердачке, где стояла ударная установка и четырехдорожечный магнитофон. Амстердам, марихуана, туда-сюда...

– Прерву тебя: как ты отреагировал на голландские наркотические вольности?

Чуть с ума не сошел! Конечно, в Одессе я пару раз пробовал шмаль. А в Амстердаме меня однажды привели в гости. Там я встретился с уникальными людьми - братьями Файнбергами. Они москвичи, их дедушка был министром гражданской авиации СССР, и они - такие осколки советской "золотой молодежи" - переехали в Амстердам и стали политоксикоманами.

Оба - очень талантливые: один - дизайнер, работал на "Союзмультфильме", другой - компьютерный график. Очень талантливые люди, но, как говорят у нас в Одессе, "сторчались". Один из них сейчас лежит в сумасшедшем доме. Другой... я даже не знаю, что с ним происходит. Так вот я попал в гости, где меня накурили гашишом и опоили английским джином. И у меня случился тяжелейший отходняк, неделю я боялся потерять рассудок. Невероятной концентрацией воли мне стоило себя сдерживать. Я был недалек от сумасшествия.

– От гашиша и джина?!

У меня такой организм, что меня очень быстро и глубоко вставляет. Сейчас мне уже 40 лет, и я менее восприимчив. Но тогда, когда я ехал в Голландию, я даже не подозревал, что там такие либеральные законы по поводу легких наркотиков. Хотя моя жена что-то мне об этом говорила. Дурь оказалась одной из причин, по которой я старался не общаться с русской тусовкой в Амстердаме.

– OK, вернемся к чердаку и ударной установке...

Мы с Аликом начали экспериментировать, обкуривались и джемовали. Вдруг откуда ни возьмись нас позвали на какую-то вечеринку спеть несколько русских песен. Мы подумали - неплохое занятие, сыграли "Катюшу", еще пару банальных жутких песен, и получили за выступление безумную сумму - 100 гульденов. Пришло озарение - музыкой можно зарабатывать на жизнь. Мы с ним набили программу, он делал аккорды на гитаре, играл на баяне, а пели мы на два голоса. В итоге нас пригласили в русский ресторан. Он назывался "Dacha". Такой темный ресторанчик с медвежьими шкурами по стенам, самоварами и черпаками. Владельцем был немец - пидор-кокаинист, который выдавал себя за родственника императорской семьи и одевался в невероятные меха. К нему приходили, как он выражался с сильным акцентом, "шпешл пипл". Сегодня, говорит, придут шпешл пипл, так что вы не подведите, ребята. И мы играли. В России показывали популярную передачу "До и после полуночи", и нас сняли в одном из ее выпусков. Все мои родственники из Одессы тогда связались со мной и сказали, что видели меня по телевизору. Постепенно мы начали фильтровать репертуар: выкинули "Калинку" и "Катюшу", подобрали казацких песен, взяли какие-то более восточные вещи и наши одесско-еврейские мотивчики с блатным уклоном. Пафос разрастался, появилась какая-то стильность. Все перерастало в 20-30 годы, в фокстроты и танго. Мы пели полуфальшивым вокалом, но людям нравилось наше двуголосье. Для нас это был чистый кайф, далекий от профессиональных амбиций. Ресторан, однако, долго не просуществовал - мы протусовались в нем год.

Деньги за это время - по 70-80 гульденов за день - хорошо капали, и давали существенный капитал для жизни. На самом деле, Голландия тогда была социалистической страной, да и моя жена не нуждалась в деньгах. Ее папа - чуть ли не личный адвокат группы Rolling Stones и акционер сигаретной компании West - присылал нам каждый месяц чуть больше прожиточного минимума. Острой необходимости в деньгах не было, поэтому все свои музыкальные сверхдоходы я оставлял в музыкальных же магазинах. Покупал пластинки, начал интересоваться фольклором. Ведь в совке фольклор был западло.

– Ну да, в СССР это был абсолютно официозный жанр...

Мой интерес был концептуален. Еще в Одессе я сблизился с арт-тусовкой - художниками-авангардистами, концептуалистами (Сергей Ануфриев, Олег Перец, Юра Лейдерман). В их среде было тяготение к супер-экзотике, хотя интерес одесских художников к фолку был довольно поверхностен. Я вернусь еще ненадолго в прошлое: с западной музыкой мы в Одессе знакомились с помощью радио. Город находится в географической близости от Румынии - ловилось румынское радио. И румынам почему-то разрешали передавать рок и диско. У них была странная сетка: каждый западный хит они перемежали народной румынской песней. Или коммунистической. Это странное чередование сильно повлияло на мое подсознание, возможно, послужив причиной моей дальнейшей музыкальной ориентации.

Все эти стародавние увлечения привели к тому, что в нашей с Копытом программе - группа называлась "Дети лейтенанта Шмидта" - стали проскальзывать этнические мотивы. Мы много репетировали, концертов становилось все больше - по 2-3 в день. Купив машину, мы начали обслуживать своей музыкой всю Голландию, ездили в Бельгию, Швейцарию, Италию.

Но в определенный момент у нас с Аликом начались трения. Я все больше интересовался восточной музыкой и предложил Копыту попробовать стиль рембетика. Рембетика - это что-то типа блатной одесской музыки, только из Малой Азии. Он возник во время исхода греков из Турции, когда распадалась Османская империя. Переехавшие из Константинополя в Грецию музыканты принесли с собой чисто стамбульские песенки. О гашише, о падишахах и о хамамах. По структуре музыка была восточной, принадлежала анатолийскому макамату, но только с таким попсовым одесским креном. Под гитару игралось на бузуке или на уде, и тяжелые восточные мелодии превращались в эдакий акустический easy listening. Мы с Копытом перевели несколько песен на русский - Алик очень любил всякие нецензурные словечки, и их там было предостаточно. Но полностью в рембетику он лезть не захотел, оставшись в клезмере и ресторанном блатняке. А меня от клезмера, признаться, уже тошнило. Даже от приджазованных импровизационных штук. В общем, мы разошлись.

Мои личные опыты использования четырехдорожечника повели в сторону космической электроники. Я писал романсы, начал использовать драм-машину - мне понравилось работать одному.

– Переход от "блатняка" к "космосу" был, наверное, не столь резким?

Расставшись с Аликом, я сблизился с Максом

Шапошниковым, с которым мы организовали концептуальный проект - экспериментально-звуковой журнал "Резонанс". Мы издавали "Резонанс" ежемесячно на кассетах вручную и распространяли среди наших приятелей; предлагали людям слушать пустые кассеты, радио-помехи, шумы улицы, абстрактные звуки. Начали организовывать вечеринки: приглашали людей отмечать полнолуние и новолуние, устраивали... э-э-э-э... макабрические абракадабры. Вместо музыки читали лекции на тему "Есть ли жизнь на Марсе?". Мы не стремились дать и получить медитативный или, там, духовный опыт. Нет, наши акции делались ради прикола, как стеб над советской наукообразностью. Начиналось как шутка, но со временем мы в это глубоко въехали. Идея была в том, чтобы вводить человека в состояние гипноза, создать условие сосуществования звука и уха. Чуть позже пошли философские трактаты о слушании тишины. К тому же в этот момент открылся коридор интереса к малым народам Севера, Тува, горловое пение. Я пробовал играть ту музыку, искал народные инструменты, не оставляя фактор космичности. Космос в любой форме оставался главным.

Параллельно я познакомился с Саинхо Намчылак. Она провела у меня дома одну ночь, проездом из Берлина. А я к тому времени уже довольно неплохо играл на некоторых традиционных инструментах, и Саинхо, услышав меня, пригласила выступать в Италии и поучаствовать на ее альбоме. Конечно, это немного не моя музыка. Мне не особо нравились ее тувинские дела, я пытался на нее безуспешно повлиять. Мы много ездили - Бразилия, Америка... Последний концерт с ней мы сыграли в Тайване в позапрошлом году.

– Сейчас уже популярность тувинского фолка схлынула...

Как и во всех остальных жанрах, коммерческий элемент сыграл злую шутку. Когда много юношей поют одно и то же, пытаясь удивить западного слушателя скоростью игры и громкостью голоса... знаешь... качество невероятно падает. Поэтому все, что сейчас происходит с музыкой Алтая, Тувы, Бурятии, весь этот мистицизм, чайные дома, Рерихи - уже тупость.

– Насколько долго вы с Шапошниковым проваландались на том астро-концептуализме?

В общей сложности мы с ним проваляли дурака 10 лет.

Он не музыкант. Он был вдохновителем. С ним вместе была Нелли Дворко - его девушка и будущая певица "Спутника". Втроем мы организовали трио "Пульсар" - пели под гитару, синтезатор и звуковые эффекты странные советские песни. Типа "...скоро осень, за окнами август" или "Лесной олень". Это уже влияние Нелли пошло.

– Постепенно скатились в easy listening...

Да, но "иззи" - это было как естественное влечение, тоска по романтизму, по космосу. Потому что в советской музыке в 60-70-е присутствовал дух космоса, которого сейчас вообще нигде нет. Его пытаются воссоздать, и есть много красивых русских песен, но элемент космичности просто утерян. Первоисточник навсегда ушел от нас. Когда "Пульсар" забуксовал, в секонд-хенде я приобрел синтезатор Korg. Проходил мимо витрины магазина, увидел огромный синий аппарат и чисто интуитивно его купил. Призвал Нелли и Максима, и так родился "Спутник".

– Как вам удалось выпустить альбом "Спутника" "Любимые песни советских космонавтов"?

В нашей среде появился англичанин, который стал добровольным промоутером и меценатом группы. Он привел нас в модные амстердамские клубы, где как раз тогда пошел лаунж и easy listening. И этот англичанин предложил издать нашу пластинку на его же деньги где-то в Америке. Он был простым преподавателем в университете. Кажется, он защитил диссертацию, и его оппоненты получили диск "Спутника" в подарок.

– А какая была тема диссертации? Что-то про эстетику космоса?

Да, возможно. Он был другом Андрея Пригова (сына Дмитрия Александровича Пригова), который тоже любил "Спутник". Идея названия группы и оформления альбома пришла от одноименных советских папирос. У меня была пачка, и ее плохая фотокопия стала обложкой.

7207

"Спутник" просуществовал всего 2-3 года. Играли там и сям, но никогда не выступали за пределами Нидерландов. Потом начались разногласия, послужившие причиной исчезновения "Спутника" из моих творческих инициатив.

А потом меня пригласил Essay Recordings, старый лейбл, основанный Шантелем и Хаксманом *(интервью с Шантелем см. в НАШ, №3/2004)*. Я познакомился с Шантелем в Тель-Авиве, когда он играл d&b типа Venetian Snares. Потом Шантель увлекся румынской музыкой, и его электронный драм-н-басс испарился. Он заразился пафосом цыганщины - очень странная метаморфоза. В общем, я сделал хороший дабовый ремикс на его песню. Ремикс издали Basement Jaxx на своем сборнике. Потом сделал "Trans Balkan Express" - издевательство над Kraftwerk. Essay она очень понравилась, и они предложили мне написать альбом в таком же духе, но дали дэдлайн в 3 месяца.

– Это было реально?

У меня имелась масса заготовок, поэтому - да. Я просто не очень глубоко находился в балканской теме. Больше интересовался Средней Азией, и пришлось вписываться. На альбоме есть вещь "Tixi Rock", где звучит семпл из уникальной эвенкийской рок-группы. А еще "Доля воровская" - гимн блатняка. Все остальное - молдаво-карпатское. Альбом был быстро состряпан и попал в австрийские чарты. Если ты спросишь, где больше всего популярен OMFO, то я скажу: в Австрии. У меня там резидентство в двух клубах...

– Ты диджеишь?

Нет, я приезжаю со своей группой и выступаю. Либо ставлю просто песни с лэптопа. Диджейством принципиально не занимаюсь, миксовать не умею, однако коллекционирую винил.

– Почему именно Австрия?

Может потому, что у них есть какие-то сантименты по поводу Австро-Венгерской Империи.

– А как два трека с "Trans Balkan Express" попали в саундтрек к фильму "Борат"?

Говорят, что мою музыку Саша Барон Коэн услышал в каком-то израильском клубе, а юридическими делами занимался его брат. Со мной законтачили из Америки: какой-то агент позвонил и сказал, что есть предложение сделать "synchronization option". Я даже не знал смысл этого термина - оказалось, так говорят об использовании музыки в кино. Отправил я его к моим издателям, в Essay, и они начали вяло переговариваться. Причем во время разговоров название "Борат" не использовалось. Он длинное название произносил "Культурные исследования... чего-то там...". Потом как-то проговорился. Я понял, о чем идет речь, позвонил издателю и сказал: "Это Борат. XXth Century Fox, это Голливуд!!!". Переговоры после такого мощного открытия шли еще полгода. Они выбрали в результате самые дешевые треки, которые никто не играл на радио.

– Если не секрет, какую сумму ты получил за эти трека?

Точную цифру не могу назвать, потому что получил royalty advance - аванс! Я получаю деньги с каждого проданного диска саундтрека и каждого проданного DVD. В результате дали где-то 10 тыс. долларов, хотя, насколько мне известно, бюджет саундтрека был в миллион долларов. Голливуд... Это такой хитрый мир... Если бы у меня не было издателя, меня бы просто кинули, как они кинули многих других музыкантов.

– Расскажи о вашем взаимодействии с Senor Coconut, вместе с которым вы делали второй альбом OMFO?

Это произошло по инициативе Essay Recordings. По их словам мое сотрудничество с Уве Шмидтом, который Senor Coconut, было бы полезно для опыта и для поднятия статуса записи. Сотрудничество обошлось мне страшно дорого. То есть сам я денег не платил, но я живу за счет музыки, и услуги Уве стоили недешево. Он получает значительный процент с продаж.

В чем была его функция? Я дал ему 20 треков, и он должен был выбрать 10 и немного их отредактировать.

– Наверное, час посидел над твоими композициями?

Ну не час. Порядка месяца длилась его обработка. Конечно, он помог. Главное, не испортил. Он очень интересный человек, понимающий. Я ему объяснил идею, он ее понял, проторчал, прибалдел от лезгинок. Он же любит всякую танцевальную этнику, меренге-калипсо. У меня есть совершенно дешевая ресторанная лезгинка в mp3: на мотив "Ламбады" поют "...а-а-а в лучший ресторан я тебя сегодня приглашу, па-да-да-па-да-дам...". Я послал ее Уве, и он был жутко рад.

– Вообще, признаюсь, что у OMFO очень зыбкая грань, разделяющая понятие "моды" от музыки "под шашлычок"...

У москвичей и ленинградцев есть тяготение к западу, к авангарду, есть вот это отношение "всё знаем, везде были". А мне не хватает провинциализма.

– Я так понимаю, что за ним ты ездишь в Среднюю Азию.

Летом я живу в Казахстане, у меня квартира есть в Алма-Ате. Я выступал в Алма-атинской филармонии. Езжу по деревням, собираю фольклор. К тому же это страна космоса - там Байконур. В Алма-Ате есть очень прикольные клубы и забавные электронные проекты: Sample Brothers, например. Они устраивали в тамошней обсерватории click-n-cuts-фестиваль. Казахи - молодцы! Я был в городе Талды-Курган на дискотеке. И молодые казахи в темных очках танцевали брейк. И девушки - жутко красивые. И я подумал: вот модняк! Вот оно - будущее!

Филипп Миронов

статья оформлена всякой старой хренью и одной работой стаса волязловского

Этой весной эстонские лиллипутики до крови оббивали свои маленькие ножки об могилы советских солдат и горько плакали от боли. А в городе, где издается этот журнал, жители района собрались и построили мемориал памяти погибших земляков. >>>>>

фото:на!!!

И памятник расстрелянным немцами мирным жителям. И умершим от голода в 1933-м. И разбили рядом парк с сотней скульптур – маленьких и здоровенннных, метра 3 высотой и больше. И строят что-то ещё. Такие дела. Просто с ростом повезло.

фото:на!!!

louisa bufardeci
[план первого этажа]
'2003, digital print, 330x900cm
Courtesy of the artist and
Anna Schwartz Gallery,
Melbourne.

рис.джикия

РЕДАКЦИЯ СЧИТАЕТ, ЧТО ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК, МЫСЛИТЕЛЬ ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ ДОСТОИН БОЛЬШЕГО, ЧЕМ БАНАЛЬНЫЙ НЕКРОЛОГ В ЧЕРНОЙ РАМКЕ И ПОМЕЩАЕТ ПРОЩАЛЬНУЮ СТАТЬЮ АЛЕКСЕЯ ЦВЕТКОВА СРЕДИ СУРОВЫХ И БЕЗУМНЫХ РАБОТ С ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕССЫ АРТ-КЁЛЬНА.

7200

ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ

УМЕР

Пускай Всевышний примет и оценит создателя сайта со словом "джихад" в названии. Иногда блеснут очки между книжками в "Фаланстере", или нарушит приличия громкий нервный смех на собрании оппозиционных умников, и хочется поднять руку, чтобы он тебя заметил, но вспоминаешь, как гроб уезжает в промерзшую землю, и толпа с растерянностью следит за этим. Впервые я видел рыдающего Марата Гельмана. Да и от многих других не ожидал. А Илью, прилетевшего из Лондона в гробу, впервые видел так аккуратно причесанным.

На похоронах голова полна банальностей, типа: каждый из нас должен быть готов к досрочному зачету, и потому не стоит строить слишком длинных планов. Ритуальные мысли вокруг ритуального действия. Обратимся лучше к человеку как уникальной сумме общественных связей.

Слово "постмодернизм" я узнал в 90-ом году из интервью с Кормильцевым. Мне нравилась его песня про последнего человека на земле, засевшего на чердаке с пулеметом, и я решил запомнить новое слово. Через десять лет, познакомившись лично и начав делать "Ультра.Культуру", я убедился, что Илья был настоящим постмодернистом. Для него это слово означало свободу от господствующего контекста и волю к созданию контекста своего. Возможность и необходимость дать нужный тебе смысл обступившим знакам.

все фото с artcologne:
егор ковальчук
<kaljaki_maljaki@t-online.de>

Его издательство началось с нескольких людей, задавшихся вопросом: что сейчас в мире вообще и в России в частности работает как фермент, то есть приводит в движение дальнейшую историю человеческого вида? Ответы получились такие: новые технологии, расширители восприятия, контркультура, антиглобализм, радикальный ислам, анархизм, новые правые. Эти пароли и стали смысловыми линиями издательства. Идеальный субъект перемен, агент мутации, к которому мы стремились в нашей утопии, выглядел так: существует среди киберпанковских устройств-диковин, отношение к которым может доходить до фетишизма. Экспериментирует со своим телом и сознанием, не веря на слово ни битникам, ни Пи Орриджу. Понимает, что улучшить себя в одиночестве невозможно, и потому объединяется с такими же исследователями, как на местном, так и на мировом уровне. Участвует в стихийных и творческих атаках на власть и капитал, как бы эта пара не проявлялась - от цензуры в Интернете до вырубки ближайшего парка. В истории предпочитает видеть рост самостоятельности людей и изживание отчуждения между ними, т.е. переход от пирамид власти к горизонтальным сетям самоорганизации. В искусстве ценит остранение, беспокойство и внезапное черное излучение от самых обычных предметов. Вместо коллективной эзотерики наций, империй и конфессий выбирает индивидуальный мистицизм, отчего поборники наций, империй и конфессий нередко записывают его в "сатанисты". Особо усиливает этот конфликт то, что в индивидуальной магии агент часто обращается к символам и понятиям предыдущих и потому демонизированных цивилизаций. В силу сложившейся геополитики, считает радикальный ислам самой интересной религией и новым универсальным языком мировой революции. В реальности такого агента не существовало, но именно этот гомункулус был заявлен целью всей нашей алхимии. Гражданин мира Илья Кормильцев спокойно удерживал такой "новый мировой беспорядок" в колбе своей седой и веселой головы. Блестящее знание языков, общительность и любовь к перемене мест помогали. Неожиданно похоже изобразили "Множество", грозящее похоронить "Империю" Негри и Хардт в своем бестселлере. Представители всех вышеназванных "диаспор" смешались в толпе на похоронах. Отпечатки их пальцев совпали в полированной крышке зеркального гроба.

Нельзя сказать, что иммунная система слабо реагировала на попытки создания вируса. С самого начала и до конца у нас были две проблемы: недовольство властей и недоумение спонсоров. ФСБ ходило в распространительские фирмы и магазины со списком наших "нежелательных" книг, Госнаркоконтроль и патриоты-идиоты из Думы бесконечно подавали в суд. Некоторые книги в итоге изымались и даже сжигались. Спонсоры же, а точнее уральская "материнская" фирма, разрывались между авторитетом Ильи ("конструировал свердловский рок!") и собственными вкусами-взглядами. Самые смелые книги так и не удалось напечатать, но политика здесь ни при чем. Наши уральские друзья просто не поняли: что это такое, почему зовется "книгой", и кому оно нужно? В 05-ом, когда вокруг издательства уже возникла компания на многое способных людей, Илья решил издавать глянцевый журнал. Это была бы "Афиша" наоборот - аргументированный призыв к новому мировому беспорядку, вирус, поражающий средний класс и лучшую часть мыслящей молодежи. Первый номер был готов, но снова кинули спонсоры, на этот раз не имеющие никакого отношения к Уралу. Зато мы опытным путем установили, что в мире нет ни одного олигарха, готового финансировать революцию в России. С этого момента УК стало сворачивать свою деятельность, а Илья засобирался на нулевой меридиан в Лондон.

"Я не уехал из этого хлева, потому что никогда не умел копить деньги", - задумчиво сказал он мне как-то ночью в московском дворе у мастерской Котлярова-Толстого, в которой несколько часов спорили о стигматах, вине и крови. Человек без недвижимости, но со слишком подвижными мыслями, он намеревался продать хотя бы некоторые из них.

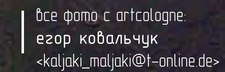
- Что такое бессмертие души? Это закон сохранения информации! - шумно доказывал Илья, показывая записанные в мобильнике номера как уникальное свидетельство. Из его слов выходило, что таким мобильником с нестирающимися номерами является любой предмет, волна, знак, молекула. Развивается только наша способность к расшифровке записанного. В этом смысл воскрешения мертвых. Мир как информационное поле. Человек как устройство, позволяющее системе тестировать саму себя. Спонтанными семинарами на такие темы часто заканчивались издательские планерки.

Я спрашивал, откуда тогда столь глубокий дискомфорт в отношениях между сложно мыслящими людьми и тестируемой реальностью? Почему тестирующее устройство столь часто ставит системе "незачет"? Является ли этот драматизм простым преувеличением, необходимым для хорошего ремонта? Мы вспоминали, у кого именно катастрофа предшествует истории и личности: "Огненная стена" у Хаббарда и саентологов, "отпадение эона" у гностиков, великое смешение в зороастризме, преступное появление творца у интернесинов Стива Айлетта, вопиющая нищета всякого бытия в "Ориентации - Север" Гейдара Джемаля... Человек как тестирующее устройство мог быть послан в систему кем-то, абсолютно внешним по отношению к ней. Иначе откуда берется чувство "нищеты бытия", если не от знания какой-то внебытийной "роскоши и изобилия"? И тогда роль человека - это место свидетеля на суде. И несогласие с законами гравитации происходит от знания иных небес. Появление личности как реакция организма на уникальный катаклизм. Появление самой материальной реальности как иммунная реакция пустоты на раздражитель. От того, чем кончится подобный разговор, зависело не только, кого мы издаем в следующем месяце: Лимонова, Кагарлицкого, скинхедов, сапатистов или Кроули, но и то, с кем Илья будет сегодня встречаться на предмет сотрудничества, чей номер наберется в телефоне: Проханова или Славоя Жижека. У него была эта редкая привычка: в один прыжок сокращать расстояние между философией и ежедневной деятельностью, подчинять последнее первому.

В кукольном театре на заднем ряду, пока наши детки смотрят с переднего "Спящую красавицу", свирепый шепот двух папаш о революции.

Для Кормильцева в России прошлого века было два периода: начало двадцатых и начало девяностых. Остальное в плену холопства. Холопство толп, впрочем, его не бесит, слишком понятны исторические причины. Бесит готовность "халдеев" обслуживать кого угодно и соревноваться в угадывании настроений всякой власти, искренне считая эти настроения "духом эпохи". Халдеями Илья называет тех, кто пишет, снимает, ставит и как угодно ещё производит актуальную культуру. То есть тех, кто не обязан подчиняться историческим причинам, однако подчиняется. Бутусов, конечно, самый часто упоминаемый им халдей. На сцене принцесса Аврора погружается в столетний сон, и бликующие ниточки слабнут, отпуская куклу вниз. Я утверждаю, что мы доживем и до следующей революции, привожу аргументы. Иначе зачем городить весь огород? Илья скептически стирает мои слова ладонью с невидимой доски. Он уверен в обратном. На сцене принц безвылазно увяз в болоте, и наши дети сжались в ожидании чуда. Теперь я знаю, что ошибался как

все фото с artcologne:
егор ковальчук
<kaljaki_maljaki@t-online.de>

минимум наполовину. Но не хочу думать, что полностью. Городить огород для него было важно вне зависимости от шансов на так называемый успех. Он был из тех, кому символическая экономика важнее рыночной: викинг зарывает клад так, чтобы за ним никто не вернулся, индеец сжигает в праздничном костре свой дом, чтобы пережить чистый произвол своей воли, отказавшись от прибыли, стать угодным богам, но это не значит прожить дольше или счастливее.

Мы имели удовольствие вмешиваться друг другу в тексты. Я показал Илье рассказ об античном мальчике, нашедшем среди морской гальки алмаз с убивающим излучением. В пяти примерно фразах Кормильцев вежливо доказал мне, какая это пышная пошлость и самообман, и я этот рассказ стёр отовсюду. Зато ему нравилась повесть про баррикады и сценарий про Курдистан. Илья посоветовал написать финальные титры на футболках расстреливаемых. Интересовался песнями курдских партизан, а точнее, хотел, чтобы телефон будил его такими песнями.
Я правил его статьи, манифесты и заявления, охотясь в них за опасными двусмысленностями.
Часто речь там шла об исчерпанности гуманизма и вообще о финише человека в его прежнем состоянии. Переделать себя, чтобы создать новый мир. Переделать в самом что ни на есть биологическом и техническом смысле.

В последний раз мы говорили с ним, отправившись за пластиковыми стаканчиками для презентации книжки "Бизнес Владимира Путина". Илье нравилось такие вещи делать самому. Стаканчиков поздно вечером на удивление нигде не продавалось, и было время обсудить перенос штаб-квартиры прямо на струну Гринвича. Через месяц он написал: "Леша, издательству пиздец" и жаловался на невозможность дойти до ближайшего парка. Ещё через месяц Илья Кормильцев умер, не дожив неделю до большого концерта в свою поддержку. Для большинства он останется автором песен с бутусовским голосом. Сам Илья этих хитов, конечно, стеснялся, выбрав быть переводчиком и провокатором событий. Прекращение УК - это очередная печальная победа власти и нормальности над бунтом и воображением. Но я не преувеличиваю роль брэнда в истории и думаю сейчас о том, где и как издать всё то, что мы не сделали, но собирались. Таких возможностей остается всё меньше, и потому игра становится всё увлекательнее.

Однажды в офисе издательства вдруг выключился ток. Погасли лампы, экраны, жалобно пискнуло нечто аварийное в стене, смолк кондиционер, принтер подавился страницей дневника политзаключенного. "Вот так вот однажды вдруг, без афиш, и кончится жизнь", - пошутил я. Илью это возмутило. Он был решительно против банального изображения смерти как неожиданной темноты. Мы стали выдумывать более точную сцену. Комната наблюдателя, конечно, остается, а не тонет во тьме. Никуда не девается и вид за окнами. Исчезает тот, кто смотрит. Происходит это не мгновенно, т.к. целостность наблюдателя - фикция. Наблюдатель ходит по комнате, раскладывая свои части по ящикам. Записывает все воспоминания и навыки на диск. Аккуратно кладет глаза в шкатулку, а голову, сняв, оставляет в большом ящике стола. Продолжает расшнуровываться. Сохраняя ещё немало способностей, ноги ставит в шкаф. Руки накрывают торс коробкой, а сами прячутся на полках. Теперь мы имеем комнату, в которой есть на что, но больше некому смотреть.

Алексей Цветков

все фото: егор ковальчук <kaljaki_maljaki@t-online.de>

Избранные места из последних интервью Ильи Кормильцева см. на стр.5233

на странице справа: плакат сергея мишакина и тани борзуновой из журнала [новое искусство]#3, харьков <www.3z.com.ua>

де щастя, мамо?

фото:николай трох (1961–2007)

ACHTUNG, BABY." ©TPOX'92.

TPOX

✝ 25.08.2007

роман коровин | использованные радуги

Роман Коровин родился в Риге. Освоив азбуку академического искусства, бросил ее ради абстрактной живописи, с пристрастием изучая полотна Хоана Миро, Джексона Поллока и Сая Твомбли. Затем – поездка в Нью-Йорк и два года скитаний по тамошним галереям. Получив представление о том, как дышит, развивается и умирает актуальное искусство на диком Западе, возвращается на родину, где долгое время занимается рекламой, создавая в то же время свои фотоальбомы. Снимает короткометражные фильмы; как режиссер, сценарист и главный художник работал над несколькими клипами группы "Мумий Тролль".

DON'T PAINT YOUR ROOF PINK GOUACHE

не красьте свою крышу розовой гуашью

Роман Коровин о себе:

Я закончил самую лучшую художественную школу, которая была на тот момент, школу Розентала. Помню, что в 14-15 лет я нарисовал огромную акварель в честь очередной годовщины комсомола. Меня воспитали как Рубенса или Микеланджело, я знал, что есть "двор" и есть "школа". Когда передо мной встал выбор - идти в десантники или поступать в Академию, я выбрал второе. Я ничего там не делал, так как все уже умел, и валял дурака. Я все время слушал "Rolling Stones", рисовал и слушал "Rolling Stones".

Когда я приехал в Нью-Йорк, то продолжал заниматься живописью, отсылал слайды в галереи. Это была плохая живопись, очень правильная, но чего-то в ней не было. В Нью-Йорке есть все галереи, любые, для любого человека. Я работал в галерее у самых сумасшедших людей, которых я видел в своей жизни, продавал искусство. Эта галерея была в Сохо, на Брум стрит. Хозяйку звали Валери-Монро-Шекспир, а ее мужа и художника, который там выставлялся - Терифул-Гэйт-Вилкокс. Я никогда не видел такой преданности и любви друг к другу как у этой пары. Для меня была целая Америка открыть этих людей.

Когда я должен был уезжать обратно в Латвию, у меня был миллион работ, половину я отдал друзьям, половина у меня пропала. От этого периода у меня остался один рулон, который я привез с собой и не открывал с 2002 года, с тех пор, когда родился мой сын. Это очень хорошие работы, из серии "two hands painting" - живопись двумя руками, которые я писал без всяких кисточек. Я брал два холста, одинаковых по размеру, ставил перед собой, брал краску и двигался по холсту двумя руками. Конечно, в этом было много эротики. По силе и по энергетике они совсем неплохие. Было интересно находить, в чем разница между левой и правой рукой, когда вы рисуете обнаженное тело. На самом деле было много людей, которые занимались тем же самым. Это часто происходит - когда ты что-то делаешь, а потом узнаешь, что такое уже было. После этого я создавал панно, к которому я прикалывал как бабочек мазки акриловой краски. С акриловой краской можно работать как со скульптурой, - краска отстает от полиэтиленовой плоскости, и её можно приколоть. Потом сделал серию работ на тему того, как живопись перерастает в скульптуру, где на холст выливалось много краски, и тем самым наращивался объем.

Затем я вернулся в Ригу, родил здесь ребенка, и можно сказать, что я абсолютно счастлив. По приезде сюда я думал, что буду издавать книги, теперь у меня готовы все макеты книг - есть шесть книг, седьмая незаконченная. Они все разные, там в основном фотографии, есть рисунки. Но ни одна из этих книг пока не издана.

Я ушел в полную демократию, решив, что каждый может взять маркер, фотоаппарат, нажать на букву "Р" и снимать то, что он хочет. С 2002 года я делал фотографии и подписывал их. Это очень просто. Я совсем не фотограф. Я использовал технику фотографии, потому что мне это было интересно. Человек, если ему есть что сказать, выбирает любую технику. В жизни я занимаюсь только визуальным. Я не верю ни в бизнес, ни в деньги. Мне нравится общаться с людьми, которые занимаются тем же самым, но их здесь нету. Как сказал один мой друг, латвийские граждане делятся на три категории: те, которые получили кредит, хотят получить кредит и никогда не получат кредит.

Я достаточно ленивый человек. Мне легче сфотографировать. В любом месте есть все. У меня сейчас лежит какое-то количество альбомов со слайдами, я могу их распечатать где угодно и в любых размерах. Я владею техникой на своем примитивном уровне и абсолютно не гонюсь за резкостью. Нет никакой фотографии. Есть художник. Если есть художник, то, пожалуйста, делай фотографию, хоть пальцем ее раскрашивай. Техника абсолютно не важна. Кому она нужна? Кто ищет технику, тот пускай в кино сходит. Там драконы летают, непонятно, когда настоящие, а когда нет.

Я ужасно талантливый человек. Есть уголек - буду рисовать при помощи него, есть фотоаппарат - буду снимать, буду заниматься видео. Не путайте ваше ремесло с талантом! А если вы не умеете компоновать, если внутри вас нет никакой начинки, то можно заниматься чем угодно. Может, ваше призвание быть скульптором, может, вы хотите рыть канавы, расписывать стены, делать кухни, резать по дереву, строить дома, заняться архитектурой, делать татуировки? Нельзя быть просто фотографом, вы уйдете в одну технику. Забудьте о технике, пришло время проявить свой талант. Мы занимаемся одним и тем же - визуальным.

Я могу нарисовать все, в любом стиле, могу нарисовать комиксы, сделать копию с чего угодно. У меня нет проблем с рисованием. Мне стало скучно. Я занимаюсь тем, что мне интересно, чего я не умею делать. Есть чистое творчество - берешь кисточку, масляную краску и белый холст или берешь маркер и используешь для рисования любую поверхность. Есть также такая вещь, как образование. Образование - это и есть художник. Человек, который знает Моранди, знает Модильяни, в итоге получает нечто другое. Человек, получивший художественное образование, если он имеет какую-либо креативность, всегда найдет для себя материал, даже макароны. Но важен также момент практики.

Живя в Латвии, я понял, что не имею опыта общения с галереями, формат книги с фотографиями здесь приемлемее, потому что здесь никого просто нет. Ну, хорошо, может быть, они есть, но я их не видел. Ну, они там сами с собой бабло делят - дети и дамы, которым они нравятся, они там в черное одеваются и делят аккуратно местное бабло. Есть божественные дела. Мне 33 года. Я занимаюсь витальными вещами. Выходишь в лес с фотоаппаратом и снимаешь там всякие свои новеллы. Все знаки, все стрелочки показывают, что мне нужно делать следующие книги. Я ужасно благодарен судьбе, потому что я занимаюсь высшим, чем по всем религиям человек может заниматься - творчеством. В каком-то смысле я бы хотел быть похож на Микеланджело, на художников Ренессанса, которые занимались, как известно, всем сразу. Что мне интересно, то я и делаю - занимаюсь книгами, живописью, рисую, видео снимаю, еще рекламу делаю, то есть живу визуальным. Я снял три фильма и очень-очень много реклам про вас, мои белые братья с белыми волосами,

LIQUID AMERICAN FLAG

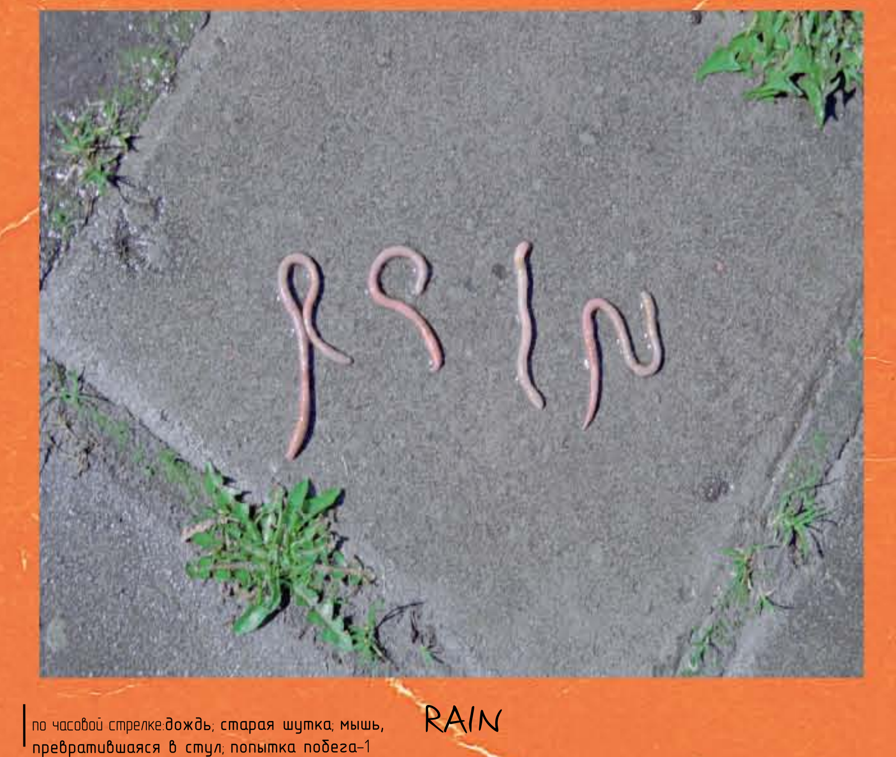
STONES SUNBATHING

MATCHBOX & FIREWOOD (MIX)

HAIRY VEGETABLE

сверху по часовой стрелке: жидкий американский флаг; фрагмент экспозиции выставки "right in the middle"; камни загорают; волосатый овощ; спичечный коробок и дрова (микс); деньги растут на деревьях

по часовой стрелке: дождь; старая шутка; мышь, превратившаяся в стул; попытка побега-1

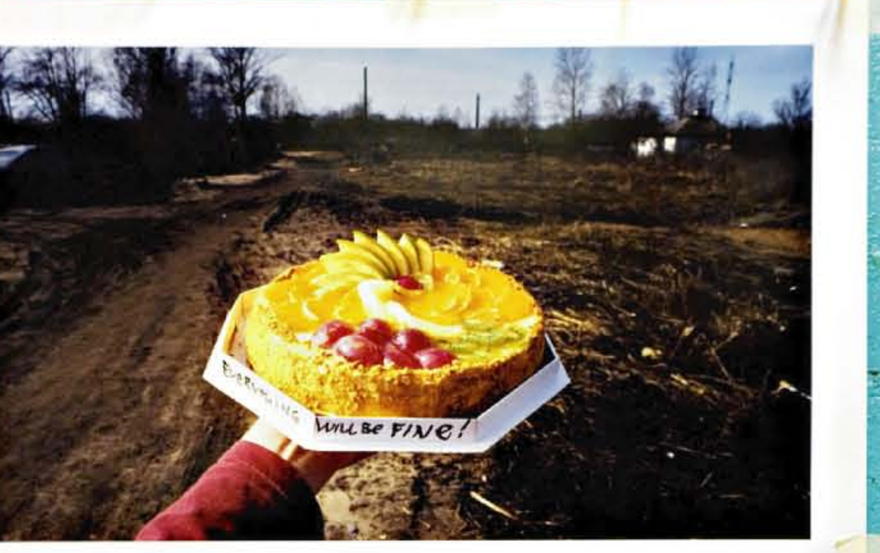
RAIN

которые покупают то, что я вам говорю.
Я очень рад, что живу в этой стране. Здесь нет момента времени, - если есть скамейка, то это скамейка не 60-70-х, она вневременная, ни американская, ни японская. Я снимаю моменты вневременные, не привязанные ко времени. Латвия - страна вневременная. Безвременное пространство. Чтобы снять фотографию, я ищу такое место, где нет ничего, что бы свидетельствовало о нашем времени, о том, что я нахожусь в Латвии в данной ситуации, в 2007 году, то есть все это может быть и век назад. Я не снимаю людей, потому что мне неинтересны их переживания, их судьбы, их реакции, их

OLD JOKE

влечения. Меня больше интересуют вещи вокруг. В каждом альбоме около 300 фотографий. Самое мое любимое место, где были произведены 70-80% всех фотографий, - это Межапарк, Мангали. Это как у Моранди, который на данный момент мой любимый художник, - три бутылочки и фон, и ты можешь что угодно с ними делать, а у меня два куста, с которыми я могу разговаривать. Это камерное искусство. Впрочем, отдельные работы я делал и в других местах, например, в Египте, где я под водой предлагал рыбе стакан воды и подрезал кораллы ножницами.
Я стремлюсь к тому, чтобы между зрителем и моими работами не было никакой дистанции. Все свои видео я снял один. Я не горжусь этим, любой может это снять. Просто взял стакан, под березку поставил - о, смешно! Я снимаю все в режиме "P", на автомате. Я вытравливаю из себя момент техники. Есть творчество, а есть костяк, формула. Дети, маленькие мои художники, которые умеют лессировать и употреблять красочки, начинают раскрашивать это в такой цвет, в такой цвет, синенькое-зелененькое. Тупая формула. Мне это совсем не интересно. Одно дело, если ты сам придумал формулу, тогда можно и раскрасить.
Я пытался от этого очиститься всю свою жизнь - от момента лессировок, хуевок, подработок, - тут подмазал, сям подмазал. Ты смотришь на холст? Что ты хочешь этим сказать? Что ты там закрашиваешь, подмазываешь? Чё за хуйня? Чего ты там тени поставил? Там бабу голую? Что ты хочешь сказать? Что? Ничего там нету, пустота. "Я там поставил зеленый!" Блядь! Какой зеленый! Тьфу! Нет там ничего, ничего!
Фотографии делятся на следующие типы: правильно поставленный натюрморт с цветком, намекающим на пизду, пейзажи с закатами... Но люди!!! Фотографии людей также делятся на свои категории: полуобнаженные девушки, которые смотрят прямо на тебя, обнаженное тело - это всегда популярно, и еще есть фотографии людей из серии "а вот какие люди, оказывается, бывают". Смотрите, в Эфиопии

A MOUSE TRANSFORMED INTO A CHAIR

TRYING TO ESCAPE-1

фрагмент экспозиции выставки "right in the middle": все будет прекрасно; ласточка-пингвин; после 2х месяцев кормления (воробьи и голуби)

7213

мои волосы - не мои волосы

сверху по часовой стрелке: **суббoтнее утро;**
жуки радуются белым цветам; фрагмент экспозиции
выставки "right in the middle"; б/н

SATURDAY MORNING

BUGS LIKE WHITE FLOWER TO

чувак из-под бомбежки, скрипач или девушка-проститутка, или бомж. "Смотрите, как я сфотографировал, свет поставил!". Гадина ты, гадина! Пошел ты в жопу! Тридцать лет одно и то же - пошлые, тупые штампы, - скрипач, женщина с детьми, девушка- студентка с чашкой кофе - она должна быть задумчивая. Вот он запечатлел мальчика, который взрывается на бомбе, или мать, на чьих глазах убивают ее ребенка. Я вижу только быков с офигенной аппаратурой, которые лезут повсюду. Когда люди умирают, они их фотографируют, а потом на этом неплохо зарабатывают.

Записала **Екатерина Викулина**, Рига

Все фото с выставки "right in the middle" – **Екатерина Викулина**

ЦЫГАНСКАЯ МОБИЛА

сказка

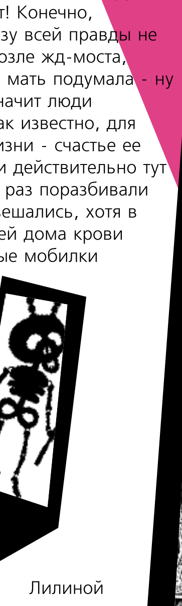
коллаж из работ **стефана бланкета**, не попавших в прошлый номер

Эта страшная история произошла несколько лет назад в одном из районных центров. Мне ее рассказал кум, а ему - его золовка, проживавшая тогда в той местности. По соседству от кумовой золовки жила очень бедная семья - мать и дочка. Отец их бросил давно (ушел к женщине намного старше себя, но обладавшей "запорожцем" покойного мужа и богатой). Семье он не помогал, все время как мог увиливал от выплаты алиментов, и матери приходилось трудиться, что называется, от зари и до зари, огороды полоть у чужих людей, ездить на сезонные сельхозработы, наниматься на самую грязную поденную работу. Это помогало не умереть с голоду, но не более того. О таких вещах, как купить в дом что-нибудь ценное (в материальном смысле) и речи быть не могло. А девочка (звали ее Лиля), надобно сказать, была уже не маленькая и довольно-таки симпатичная, но к сожалению, не имея возможности прилично одеться, имела вид, чего греха таить, бомжистый. Сверстники так часто и называли ее - "бомжара", и при этом плевали ей на спину. А соседи вздыхали и говорили: "Її би приодеть, то вона б ото була як куколка. Воно ж вже давно невеста, а ходе, що дивиться боляче". Мать Лили все это, конечно, видела и тихо убивалась, но ничего поделать не могла и, занимаясь тяжким трудом, только мечтала, как дочь ее закончит школу (училась она неплохо), уедет в город, поступит в сельхозинститут, на агронома или бухгалтера, а там, глядишь, и замуж выйдет удачно, за моряка или бизнесмена. Но, к сожалению, всем этим радужным материнским мечтам не суждено было сбыться из-за страшных и до сих пор не объясненных событий, последовавших вскоре. Прежде чем приступить к изложению самой сути этого повествования, нужно упомянуть еще один факт, немаловажный и в общем-то ставший причиной всего произошедшего. Как известно, на сегодняшний день мобильная связь играет огромную роль в жизни современной молодежи. Можно даже сказать, что и связи-то никакой в большинстве случаев без мобильной возникнуть не может (ну разве что дискотека). По крайней мере, с мобильной связи начинается многое, и статус сегодня определяется по цене и величине мобилы, наличию в ней фотокамеры,

7215

цветному экрану, полифонии и т.д. Стоит ли говорить, что у Лили никакой мобилки при таких печально материальных раскладах быть не могло, и это ее очень сильно угнетало. Сколько раз она, наевшись картофеля в мундирах, тоскливыми вечерами, в то время как ее сверстницы на дискотеке открывали для себя, так сказать, новые радости жизни, мечтала, как она посылает своему парню (будущему) какую-нибудь нежную sms-ку, а он - ей в ответ, и вот с этого у них все начинается. Или как она заходит в класс, и тут ей кто-то звонит, звучит полифония - очень громко и чисто, - а она так достает мобилу и как ни в чем ни бывало говорит: "Алло, я слухаю!" - и все хуеют, потому что мобила не простая, а из золота, и вся в каменьях, и экран в ней из хрусталя (цветной, разумеется), и ...короче, ни в сказке сказать, ни пером описать. Парни на дискотеке из-за нее дерутся, а она стоит и пишается, а девчонки - те с горя в школьном туалете повесились - все, а кому места не хватило, те - головой в очко, и утопились! Вот с такими грезами засыпала каждый день Лиля, а утром - суровая действительность. Потом и вовсе бессонница началась, и мать стала замечать, к своему ужасу, что дочь ее по ночам чудит - приложив к уху тапок, с кем-то переговаривается и по крыше ходит, а утром ничего такого за собой не помнит. Даже к бабке ее возили в соседнее село (люди пидказалы) - бабка десять гривен взяла и посоветовала в полночь на огороде три раза "отче наш" задом наперед прочесть, два килограмма щавеля съесть и святой водой запить. Не помогло. В город в поликлинику ездили, там сказали, что повышенная кислотность, и вообще возрастное, перерастет, и главное - витамины, витамины и еще раз витамины. Ну какие тут витамины... Уж неизвестно, как оно так получилось, только оказалась наша Лиля одной темной ночью в соседней области, за тринадцать километров от дома, на болоте. Как раз в том месте, говорят, года три назад хачи или цыгане какие-то понаехали и бой устроили - то ли рынок делили, то ли еще что, ну и положили друг друга, так вместе с мерсами на дно и пошли. Менты и доставать не стали, да и не достанешь, места там гиблые, постоянно, спокон веков что-то не слава богу было. Так вот, запомнила только Лиля, как стоит она на кочке, а вокруг темно, и туман какой-то стелется, как бы снизу подсвеченный. Звуки какие-то, завывания, а ей почему-то не страшно, вроде как не с ней это все. Вдруг видит - сквозь черную воду свет как бы мигает, красивый такой, и к ней со дна приближается, глядь - камни, золото тускло мерцает, цветной экран - мобила! Точь-в-точь такая, как представлялась в вечерних грезах, и голос далекий полифонический из нее доносится, с акцентом таким немного. И говорит: "Дэвачка, ай дэвачка! Вазми эта мабилка, павесь на свой шея, тока нэ снимай. Никада. Пока носиш - тэбе харашо будэт, и нам харашо здэс будэт, а снимэш - нам здэс плохо будэт, а тэбе совсэм плохо будэт, еще хуже, чэм нам ". Глупая Лиля схватила ту мобилку, и на шею себе тут же повесила, а мобилка была на ремешке таком черном, кожаном что ли, и тоже ремешок весь в каменьях зеленых и серебром или чем-то там таким белым красиво отделан весь. Так вот, повесила она ее на шею, и тут же болото пропало, и она очутилась на огороде около своего дома. Не помнит, как домой зашла, как спать легла, а только утром просыпается и думает: "Це ж треба, який сон чудний мені наснився!" А не сон же таки, вот она, мобилка цыганская, на груди девичьей лежит и каменьями играет! Конечно, обрадовалась поначалу, матери сразу всей правды не рассказала, мол, нашла на трассе возле жд-моста, видать кто-то из поезда обронил, а мать подумала - ну и ладно, раз такие вещи роняют, значит люди небедные, а дочке радость. Ведь как известно, для каждой матери самое главное в жизни - счастье ее дочери. В школе фурор был. Парни действительно тут же все повлюблялись, и морды не раз поразбивали друг другу, девочки, конечно, не вешались, хотя в рейтинге очень упали и с родителей дома крови попили. Многим из них даже новые мобилки купили, но понятное дело, что не угонишься: золото, камни - таких-то и в магазине не купишь. И все бы хорошо, да вот только прошла неделя-другая, и по райцентру поползли слухи всякие неприятные, что, мол, мать Лили, чтобы купить такую вещь дорогостоящую, коноплю и мак на огороде выращивала и в городе сбывала, и мужчину вспомнили какого-то залетного, который в прошлое лето с Лилиной матерью жил, а потом неизвестно куда осенью исчез - мол, миллионер был подпольный, ювелир, от рэкета и налоговой скрывался - так дочь и мать его обобрали, зарубили, труп где-то на огороде зарыли, а время прошло, так теперь жируют. А другие просто поговаривали, что девочка на трассе минетом зарабатывала и на телефон этот подсобрала, но в это мало кто верил, известное дело - много так не заработаешь, а вещь-то уж очень дорогая. К тому же самой Лиле от этой мобилки тягостно уже стало. Весила она граммов восемьсот (из-за золота, разумеется), звонить по ней возможности не было никакой, пополнять счет не за что, да и непонятно, где у нее чип, и какой оператор, и вообще, как она устроена. Одним словом, вещь безусловно ценная, но в быту абсолютно бесполезная - звонить нельзя, шею от веса натирает, людям завистливым глаза мозолит, того и гляди, не сегодня завтра участковый нагрянет - где, мол, и откуда. Короче, мать и говорит Лиле: "Доця, давай поїдемо в город та продамо її за великі гроші, мені одна жінка підказала, де і як. Борги роздамо, та одягнемось по-людскі, а тобі нормальну мобілку купим, та ще дівіді-програвач плюс телевізор, та ще грошей залишиться, від"їмося наконец-то!" Лиля видит, что мать права, оно, конечно, как-то странно с голой жопой и пустым желудком с куском золота на шее по поселку понты колотить, да и эффект новизны пропал, к тому же в последнее время на экране красивом ближе к ночи стали глаза какие-то появляться и так пристально, не мигая, на Лилю смотреть, что она и поссать выйти на огород боялась. Решено - сделано! Давай снимать мобилку - мобилка не снимается, а напротив, ремешок на шее затягивается все туже и туже, и током бьется, и музыка понеслась из нее - один в один похоронный марш. Мать видит - плохо дело, дочь по полу катается, хрипит в конвульсиях - побежала к соседям милицию вызывать. Приехала милиция, да поздно. Мать орет вне себя, волосы рвет на голове, совсем обезумела, а дочь вся синяя лежит, язык вывалился, конечности обуглились, на шее след, как от удавки, а вот мобилки никакой-то и нет, как будто и не было вовсе. Похоронили девочку, дело закрыли как самоубийство, а мать в дурдом в тот день еще свезли, в буйное отделение, так без нее и хоронили, в закрытом гробу, всем райцентром. Одноклассники Лилины пришли, и когда гроб в землю опускать стали, так молча вокруг ямы выстроились, парни каждый бутылку водки раскупорил, девочки слабоалкоголку, по глотку сделали, и вместо горсти земли на прощание по мобилке в могилу кинули. Правда, устаревшие, вышедшие уже из моды модели, или там с батарейкой у кого не в порядке, или же шрифт только английский, но все равно, очень торжественно и печально было.

в оформлении использованы работы St.Blanquet'а не попавшие в материал о нем в #61'2006

Стас Волязловский, народный сказитель, ваятель и пенис-артист

ЮНЫЙ ХУДОЖНИК

детская

ISSN 0205—5791

ТАК БЫ МЫ НАЗЫВАЛИСЬ, ЕСЛИ БЫ НЕ НАЗЫВАЛИСЬ ТАК, КАК ЕСТЬ. ЛЮБОВЬ К ПОДРАСТАЮЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ ПОДВИГЛА ХУДОЖНИКА ВОЛЯЗЛОВСКОГО ОТКРЫТЬ В НА!!!ЕМ ШКОЛУ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.

работа китайского художника **ай вэйвэя**: урна династии хань с логотипом кокаколы

13. 2007

Рекомендовано Министерством Освиты Украины для всех початкових школ и дитсадков в городах, селах и селищах миського типа Украины.

спасибо андрею лусте, лене афанасьевой и всем

7218

УРОК 1, В КОТОРОМ ХУДОЖНИК ВОЛЯЗЛОВСКИЙ ПОДРОБНО ИЗЛАГАЕТ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕКРАСНОГО НА ПРИМЕРЕ СОБСТВЕННОГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. ДЛЯ ПРИМЕРОВ ОТОБРАНЫ РАБОТЫ ВЫСОКОПАТРИОТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ, ЧТОБ ДЕТИ НЕ РАССЛАБЛЯЛИСЬ И НЕ ПЛАКАЛИ.

а вот работа прогрессивной художницы **дианы шейнеманн**,
шо рисует свои картинки языком по стеклу,
но это тема следующего урока

фото:**deniska from donetsk**<maugli@front.ru>

фото:**александр кадников**<kodak67@mail.ru>

alla 52. Esposizione Internazionale d'Arte Pensa
плоть–кровь–кости–душа
италия:vetor pisani [музей французской криминалистики] болгария:pravoliub ivanov [пессимизма больше нет]
…a nelle sedi espositive ai Giardini
VENICE
новая зеландия:yvonne todd [портрет френзи]; украина:sam taylor-wood [движущиеся картинки]; цыгане:andras kallai[жирная барби]; корея: lee hyungkoo [felis catus animatus]
РЕДАКЦИЯ ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ВПАВШЕГО В СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ АВТОРА, А ТАКЖЕ КОНСТАТИРУЕТ, ЧТО БОЛЬШИНСТВО ОБЪЕКТОВ Т.Н. "СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА" НЕВОЗМОЖНО ВОСПРОИЗВЕСТИ В 2-Х ИЗМЕРЕНИЯХ, ЧТО НАВОДИТ НА РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЫСЛЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ПЕЧАТНЫХ АРТ-ИЗДАНИЙ.
Biennale di
52 Th
Think with the senses, feel with the mind
НА ПРОЩАНЬЕ
Ах, сколько весен, сколько зим… Вот я опять сижу перед монитором и пишу статью о Венецианской биеннале в журнал НАШ. Где мои 37 лет? Ну как тут не поддаться сантиментам… Честно говоря, даже как-то и на предмете исследования неохота сосредотачиваться. О вечном хочется больше - например, о том, на кого ж ты нас, точнее, меня, дорогой НАШ, покидае-е-ешь?!! Вот сейчас расхнычусь, и совсем никакой статьи не будет. Одни слезы,
сопли и жалобные не всегда цензурные выражения. Но даже и выматериться по-хорошему сил уже нет. Прошла, ***, молодость, а что попишешь? Действительно, что написать? "Думай чувствами, чувствуй умом". Это мне на Биеннале порекомендовали. Лозунг года. Честно сказать, не очень его понял. Наверно, это рекомендация
…a esposta al Padiglione Italia ai…

попридержать как первое, так второе. Впрочем, у большинства художников ум и чувства взаимодействовали в таких причудливых пропорциях, что... что... а что в этом, собственно, нового?
Последую все-таки совету - возьму и подумаю чувствами. То есть изложу, что произвело наиболее сильное впечатление. И начну с тех, до кого редко доходит праздная зрительская толпа, потому что павильоны расположены довольно далеко; вся жизнь кипит в выставочном парке Джардини Наполеоничи и в Арсенале; но еще добрых полсотни выставочных проектов

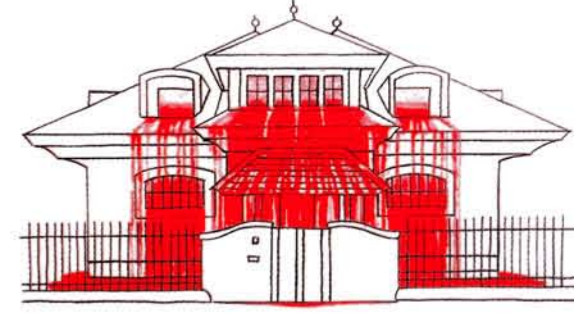
растыкано по всему городу.
Вот сделали первый в истории Биеннале павильон народа рома (цыганский), так там эмоций - через край, первая же заметная инсталляция - несколько сотен пробирок со слезами, и это все чувства очень правильные и в тему, как, впрочем, и все в павильоне. Оказалось, среди рома - масса необычных, мастеровитых и вопиюще нестандартных художников. На мир они смотрят как неунывающие гости, которые радуются жизни, что бы ни случилось. Кто-то делает картинки в граффитистском стиле, кто-то - психоделические коллажи, кто-то кичевых фаянсовых петушков закрашивает до состояния шикарного поп-арта, или из женской юбки целый объект умудряется сделать... На чердаке

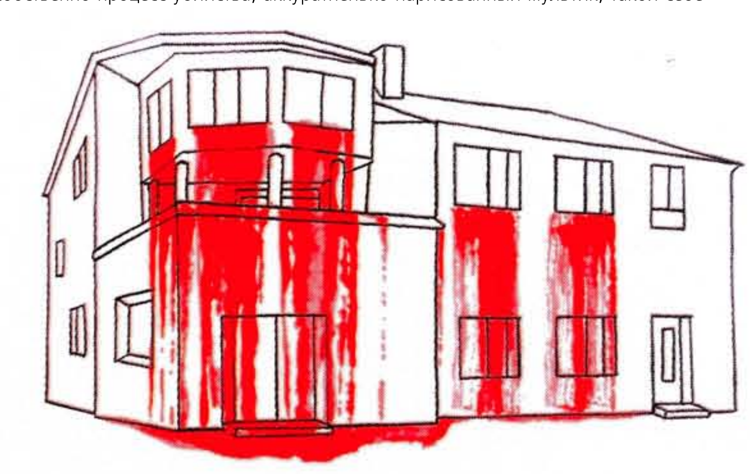
павильона инсталляция на тему ромского быта в трех частях - живописнейший хлам, даже чучела куриц есть, и все в целом - совершенно бедное, но удивительно свежее искусство. Неподалеку от выставки рома - еще один примечательный павильон - Мексики. Первый за 50 лет, между прочим. Но вот они не стали брать национальным колоритом, а пригласили помешанного на электронике художника Рафаэля Лозано-Хеммера, а тот устроил настоящий парад высоких технологий, царство интерактива. Все инсталляции предусматривают прямое участие зрителей - ряд стульев, "оживающих" по мере прохождения мимо них очередного посетителя, комната-радиоприемник, в

котором частью шкалы является твое тело - идешь, а твоя электронная "тень" скользит по стене, захватывая все новые и новые диапазоны, еще есть полный зал лампочек, начинающих мигать в такт твоему пульсу, а также зал с экранами, где много маленьких фигурок людей, на тебя реагирующих, и стена с огромным глазом, который тоже к тебе неравнодушен. Очень красиво и современно, но как-то все же сильных чувств маловато.
Ярки и красивы павильоны Африки и Латинской Америки. Но у латиноамериканцев все более изощренно, а то и извращенно. Зловещая "Детская комната" сальвадорца Рональда Морана - полностью воспризведенный интерьер детской, только все до отвращение белое, еще и с каким-то налетом - ни дать ни взять музей памяти Кая, навеки замороженного Снежной королевой. Гватемалка Мариядолорес Кастелланос специализируется на манекенах из дамского магазина, путем арт-магических

манипуляций превращенных в недобрых монстров. Еще один коллега из тех же краев соорудил мальчика с длинными ручонками, которые (ручонки то бишь) мальчик исписал о стены чуть не до плечей. Третий, то есть четвертый товарищ нарисовал картину и вставил вместо рамы - в свернувшуюся змею. В общем, любопытный у латиносов взгляд на мир - грозно насупленный, как у колдунов.
Но в позитивном мировоззрении всех обскакал эстонец Марк Маэтамм. Любителей искусства заманивали дружелюбным названием "Я люблю свою семью". А там внутри начиналось: детский аттракцион "Мишка" подключен к механизму мясорубки, засасывающей все живое, над "Песочницей" качается петля, привязанная к игрушечному аисту. На одном экране при помощи титров демонстрируется исповедь о том, как герой, будучи не в состоянии справиться с выплатой кредита, дал согласие на убийство своей семьи, идет описание со всеми подробностями, а на втором - собственно процесс убийства, аккуратненько нарисованный мультик, такой себе

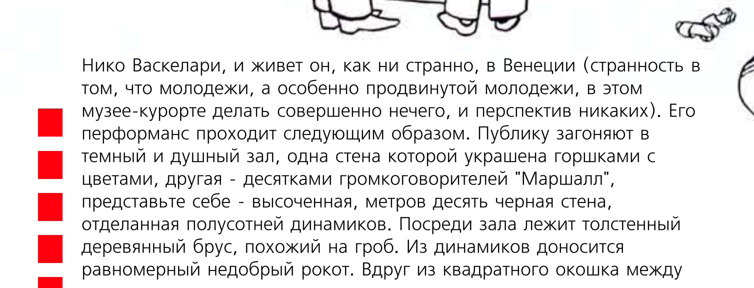

анимированный вариант кубриковского "Сияния" - папа с топором гоняется за членами семьи, разбрызгивая в плоских интерьерах лужи крови, но никому не причиняет

реального вреда, кроме себя. Судя по выставочному альбому, этот Маэтамм - мастак насчет очень густого и черного юмора, так что тот, кто в журнале тексты оформляет... так вот пусть же он даст картинок этого самого Маэтамма, там есть над чем посмеяться, гадом буду *(да пожалуйста, хоть целый разворот - Прим.ред.)*.
А что итальянцы, спросите вы? Так называемый павильон Италии на самом деле итальянских работ внутри себя не имеет; это такая кураторская фишка - наполнять павильон принимающей страны талантами со всего света, в том числе и не живых уже... А сами-то итальянцы? Мне бросился в глаза (в буквальном смысле) только один, и, судя по всему, не только мне, поскольку ему еще и приз присудили. Звать его

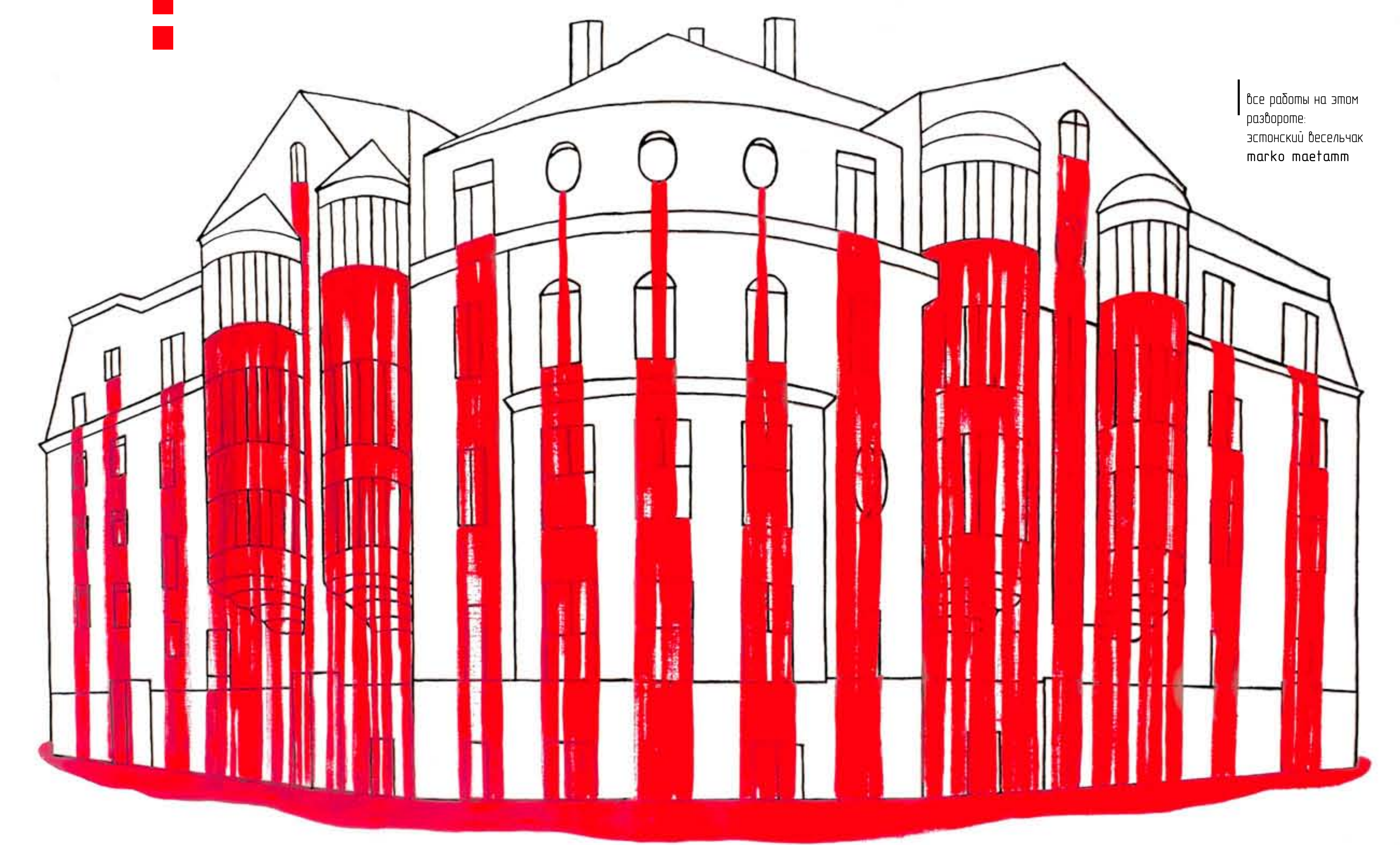

Нико Васкелари, и живет он, как ни странно, в Венеции (странность в том, что молодежи, а особенно продвинутой молодежи, в этом музее-курорте делать совершенно нечего, и перспектив никаких). Его перформанс проходит следующим образом. Публику загоняют в темный и душный зал, одна стена которой украшена горшками с цветами, другая - десятками громкоговорителей "Маршалл", представьте себе - высоченная, метров десять черная стена, отделанная полусотней динамиков. Посреди зала лежит толстенный деревянный брус, похожий на гроб. Из динамиков доносится равномерный недобрый рокот. Вдруг из квадратного окошка между

"Маршаллами" на веревке спускается человек с лицом, закрытым капюшоном, тут же появляются еще несколько его сообщников с микрофоном на проводе. Человек залазит на постамент-гробик, ему подают микрофон, и Нико (очевидно, это он) без промедления начинает в него истошно орать. Никакой фонограммы, просто вопли человека, разрываемого изнутри легионами Троцких, Мао и Кропоткиных. Крики множатся эхом в какой-то дикий хрип и рокот, и все это еще и усиливается десятками "Маршаллов", и все это на уши зрителям, но мало того - сам Нико ни с того ни с его падает со своего постаментика прямо на публику, на публику, а на кого ж еще, и та разбегается, разбегается, в ужасе разбегается, а кореша тягают за ним провод, а он вопит и на людей кидается, а какой-то крендель бородатый рубашку снял и, стоя полуголый, на все это медитирует, сложив руки, в общем мрак и жуть и так минут 20, а подытоживая, могу сказать, что это один из лучших рок-концертов, на которых я когда-либо бывал. *(Наш человек-собака Олег Кулик, помнится, терроризировал толпу в одиночку и без всяких микрофонов, да еще голый, да еще на цепи, да еще зимой - Прим.ред.)*
Еще несколько представителей италийского юношества захватили катер, курсировавший вдоль набережной, и превратили его в вертеп уличного искусства: антибиеннальские демонстрации с нижним бельем вместо знамен, восторженная детвора разрисовывает мелом историческую набережную... Вот и все

все работы на этом развороте:
эстонский весельчак
marko maetamm

итальянцы...
Пора бы и о нас что-нибудь сказать. А сказать есть что: павильон Украины в этом году - лучший за все время нашего участия в Биеннале. Более того, он не худший и в контексте всей нынешней Биеннале. Не в первой тройке, но в первой десятке (при восьми десятках конкурсантов) точно.
Борис Михайлов.
Удивляет не его участие, а то, почему этого великого, без преувеличения, фотохудожника, между прочим, гражданина Украины, пригласили представлять страну только сейчас. Ну, лучше поздно, чем никогда. Зал с работами Михайлова, вне сомнений, являет собой смысловой и художественный центр всего павильона. Выставлены две фотосерии: "Шаргород" и "Неоконченная книга о незавершенном времени" (фотографии, сделанные в Харькове в 2004-2007 гг.) Фотографии тематически и стилистически вроде схожи - то есть все тот же михайловский принцип как-бы-случайности, уличная съемка, грубая социальная изнанка жизни. Однако серии заметно контрастируют. "Шаргород" - это большие фото на стенах (то есть с вертикальным ракурсом наблюдения), фиксирующие определенные "красивости" - младенца в ярких пеленках, беременную женщину, молодую привлекательную девушку, жену художника, выглядывающую в окно, самого художника, кокетливо позирующего на диване, просто куст без людей (важный момент - пейзажное фото у Михайлова встречается очень редко, по словам художника сей куст - своего рода символ страны сейчас). "Неоконченная книга" - совсем иная, начиная с оформления - небольшие карточки в горизонтальных планшетах за стеклом. Здесь, как и в более ранних работах Михайлова - замусоренные улицы, старые и некрасивые люди, бомжи, справляющие нужду прямо на улице, одним словом, знакомые приметы. Но! Преобладает, пусть тоже не всегда красивая, часто пьяная, смешная или агрессивная, молодежь, и это уже принципиально новый момент. Более того. Я уже об этом говорил и писал, но повторю еще, поскольку это очень важный момент: поражает даже не смена тематики, а то, что большинству этих фотографий присуща просто-таки бешеная динамика, еще более усиливаемая кажущейся умиротворенностью шаргородских фото. Это как раз именно та энергия "незавершенного времени", в котором мы живем. Сосредоточившись на самых банальных и затертых моментах реальности, Михайлов выстроил из них полнокровный образ подлинной Украины какая она есть сейчас. Вот такой - местами дикой, местами неопрятной до отвращения, но и красивой, и ярко-наивной или несмысленной как тот младенец, полной сил и пусть не осмысленного, но живого движения - нашу страну еще никто не показывал. И поэзии в этом портрете побольше, чем в гламурно-шароварных заклинаниях.
По видеоарту отработал волшебник Александр Гнилицкий своей виртуальной "Комнатой" с непрерывно меняющимися интерьерами. Грозное индустриальное фото и видео представил Сергей Братков: производственные процессы и рабочие как составляющие элементы жуткой Преисподней.
(А вот приглашенные в украинскую команду иностранцы выглядели идиотски и откровенно ни к месту, в чем можно убедиться, глянув каталог павильона на www.ukrainianpavilion2007.org, Жалко места на описание этого кичевого убожества - Прим.ред.)
Конечно, еще следует научиться как следует обустраивать такого рода экспозиции. Все же все это было немного вразнобой, разные части были слабо связаны по смыслам и расположению в пространстве дворца, наконец, и общая концепция выставки - "Поэма о внутреннем море" - практически не воплощена. Но, чтобы этому научиться, нужен не один год и не одно участие.
А вот то, что до сих пор стоит перед глазами. Одно из самых выдающихся произведений не только 52-й биеннале, но и всего актуального искусства. "Океан без берега" Билла Вайолы. Ничего лишнего: три высоких прямоугольных монитора, установленные на трех алтарях в затененном зале небольшой церкви Сан Галле. Из звуков - только равномерный отдаленный рокот. В каждом экране - густая черная пустота. Постепенно там, в глубине, появляется серое пятнышко. Оно приближается, приобретая форму человеческой фигуры, и вот этот человек уже близко, прорывает пелену воды, которая, оказывается, разделяла нас, с шумом и брызгами выступает на передний план; все фигуры в человеческий рост, поэтому эффект присутствия невероятный. Приходят молодые и старые, мужчины и женщины, разных рас. Медленно, отряхиваясь и озираясь, пришелец наконец останавливает свой взгляд прямо на тебе. Смотрите друг другу в глаза, без слов и лишних движений, всего минуту-другую, однако успеваешь ощутить всю историю, которую он или она принесли с собой. Вот еще несколько секунд, прощальный взгляд уже через плечо: ему или ей нужно возвращаться туда, откуда, на самом деле, и возврата-то нет; да и это короткое свидание было на самом деле только сновидением, ускользающей мечтой, пелена воды расступается и поглощает того, кто только что был здесь, неумолимо превращая в нечеткое серое пятно, поглощая навсегда. Возможно, это был родной или самый близкий тебе человек... Мне запомнилась девушка, высокая, совсем юная, которая до последнего не хотела уходить, все смотрела и смотрела на меня, и уже оттуда, уходя в вечную мглу, провела рукой по разделяющей вас поверхности. Этот белый мазок, последняя вспышка нежности, до сих пор стоит у меня перед глазами, из которых в ту минуту, честно говоря, чуть слезы не хлынули. Не представляю, что можно сделать лучше о смерти и жизни, используя движущееся изображение.
Ну, вот так и все.
Совсем все.
Эпоха НАШего уходит, отступает в воды забвения, размывается потоками проходящих перед глазами секунд, дней и лет. Вот только сейчас мы могли еще дотянуться друг до друга руками, могли еще что-то прокричать всему этому сонму пестрых образов, делая вид, что все это еще здесь и сейчас, что это еще не воспоминания, не...
Дождь пошел.
Простите. Простите...

Дмитрий Десятерик - с любовью для НАШего.

корея:lee hyungkoo [mus animatus, felis catus animatus, утятус аниматус и прочие мультяки]

украина: сергей братков [дворцы - рабочим]

НАШ®

ПАЛАЦИ - РОБІТНИКАМ!

НА!!!КЛЕЙКИ

вверху:
лат. америка:**jorge pineda**[мой путь]

в центре:
россия:**aes+f**[последнее восстание]

на!!!:**неизв.автор**[без названия, граффити на окраине г.днепропетровска, в венеции не выставлялось]

7228

БАКЛАН ПО ИМЕНИ ... PYLYPCHUK

Одним из неявных побочных эффектов пост-индустриальной революции стало перепроизводство артистического народца: чем носить унизительное звание "безработный", куда приятнее гордо величаться "художником". Тем более - для "contemporary art" вовсе не обязательно десятилетиями учиться в худшколах-академиях. Вот и получается - выходишь на любой арт-портал, и глаза разбегаются: сотни имен, из которых знакомы от силы процента два. На какую ссылку "кликать", где ждать встречи с прекрасным?.. Выручает максимально тупой подход: чье имя смешнее - того и выбираем. Пример: минувшей осенью в лондонской The Saatchi Gallery прошла большая выставка молодых американских художников "USA Today", на фоне 40 участников которой со стериль-ными англосаксонскими именами приятно выделялся Джон Пылыпчук.

"And that's when i gave up trying to overcome the urge to simultaneously cry and puke"
("Тогда я и перестал сдерживать позыв заплакать и прорыгаться одновременно")
Courtesy of Friedrich Petzel Gallery, New York

- Что у тебя с происхождением?
Мой отец уехал из Украины в 1939 г. Ему было пятнадцать. Украинский был моим первым языком, до школы я ходил в sadok, а в старших классах посещал Украинскую католическую школу, где нам преподавали украинские танцы. Я научился играть на бандуре и трембите и даже съездил со школой в концертный тур. Но все это, как я теперь понимаю, чисто канадское украинство. Когда к соседке приехали внуки из Украины, я не смог даже пообщаться: они говорили слишком быстро и употребляли непонятные обороты. Так что о реальной Украине я ничего не знаю...

- Ты уже третий человек из Виннипега, о котором мы пишем: было интервью с кинорежиссером Гаем Мэддином (НАШ#9-10'2005) и картинки Марселя Дзамы из книжки, выпущенной совместно с группой They Might Be Giants (НАШ#12'2003). Что это за город такой?
Два года в Школе Искусств при Университете Манитобы в Виннипеге были для меня очень насыщенными. В том числе в плане общения: Дзама, Нейл Фарбер, "Royal Art Lodge", Тим Гарднер, Карел Фанк...
Виннипег - красивый зеленый город в речной долине. Он очень-очень плоский, и место, отведенное для гор или холмов, заполнено только небом, кучей неба. Лето короткое, но так как здесь до хрена света, все вырастает очень быстро. Я люблю Виннипег, и в то же время его ненавижу. Воздух там очень чистый, хочется гулять и гулять, но быстро наступает зима, и тогда все выглядит

Фрагмент инсталляции
"Cut the act you phony cripple - you try living with your legs bent up"
("Кончай спектакль, фальшивый калека - Сам попробуй жить с согнутыми ногами")
Courtesy of Friedrich Petzel Gallery, New York

"Untitled (Tree puking in bird's mouth)""Без названия (Дерево, блюющее в рот птице)"

К обладателю такого душевного укроамериканского имечка нельзя не проникнуться симпатией. Но и опасением:
мало ли, а вдруг малюет сплошные "садки вишневі біля хати" и прочий маразм, а на выставку его пригласили
из каких-то неясных политкорректных соображений (по известной схеме "цветной-инвалид-сексменьш").
Сомнения улетучились при первом же взгляде на работы - инсталляции, воспроизводящие сценки из жиз
жизни жалких зверообразных ублюдков, склеенных из обломков деревяшек, лоскутков старой ткани, иал
кусочков искусственного меха и прочего помоечного мотлоха. Диалоги уродцев также обладали скромным
скромным лузерским обаянием. Два кошко-птице-и-еще-
-хрен-знает-кому-подобных зверька, рассматривая каж
дый свою оставшуюся единственную ногу, спрашивают:
"Ну и как мы теперь будем ходить?". Развалившийся в
кресле слонопудель со спущенными штанами и книгой в рука
вздыхает: "Я скучаю по тебе, опасность..." Над двумя армиями серо-корич
невых грызунов в касках, в

...рька, рассматривая ка
...ашивают: "Н
...шийся в кресле
...книгой в руках взд
...двумя армиями серо
...на жизнь, а на смерть
...аспылили какую-то отра

"I miss you, danger, and all its elements"
("Я скучаю по тебе, опасность...")

справа внизу "Don't press too much luck"
("Жми, но не слишком испытывай судьбу")

дущих войну не на жизнь, а на смерть, распылили какую-то отраву, все блюют, а один пафосно восклицает: "Надеюсь, мне удастся пережить это, сохранив хоть каплю собственного достоинства".
В общем, эти, с позволения сказать, "скульптуры", источающие вдобавок хоть и виртуальную, но почти ощутимую вонь (джоновы тварынки - большие любители подзюрыть и постругать), наводили на мысль о бомже-кукольнике, уволенном за пьянство из "Маппет-шоу", но продолжающем мастерить из любого подручного материала каличных зверушек и птичек, вкладывая в них свои одиночество, обиду, отчаяние и боль.
Тем не менее досье на товарища Джона (по паспорту Джонатана) Пылыпчука гласит: канадский художник и скульптор. Родился в 1972 году в Виннипеге, столице провинции Манитоба, сейчас живет в Лос-

"These are your last safe five seconds"
("Это твои пять последних безопасных секунд")
Courtesy of Friedrich Petzel Gallery, New York

Анджелесе. С начала 2000-х активно выставляется по всему миру: Нью-Йорк, Лондон, Париж, Кёльн, Дюссельдорф, Копенгаген, Токио. То есть никакой не "наивист"-самоучка, а вполне себе успешный молодой художник с классическим образованием. И корявыми его работы выходят отнюдь не из-за неумения. В статьях о Дж.П., искусствоведы любят переводить разговор в плоскость психологического чеса, изощряясь в терминах и метафорах: "безродная когорта пушистых жертв и ублюдков становится внушающим любовь портретом темной стороны социальной психологии...", или "герои Пылыпчука - нейтральные мишени для эмоционального замещения..." Может, оно и правда, но нельзя же к столь незамутненному интеллектом искусству лезть с подобным инструментарием. Поэтому, не желая уподобляться, мы задали Джону пару простых, понятных вопросов о родном крае, жестоком мире, неумолимой судьбе и прочих незамысловатых штуках.

весьма убого. Я уехал. Лос-Анджелес - прекрасное место, чтобы заниматься искусством и делать арт-карьеру.

- Твои герои напоминают убогеньких кукол, которых в бедных семьях родители мастерят своим детям из подручного материала. Что в жизни человека ты считаешь более трагичным: детство или взрослую жизнь?

Не думаю, что трагедия вообще как-то связана с возрастом. С равной вероятностью эта херня имеет тебя в любое время.

- Иногда критики пишут, что ты подражаешь искусству художников-"аутсайдеров". Ты согласен?

Часто мне любопытней, ПОЧЕМУ люди делают те или иные вещи, а не КАК они их объясняют после. История, стоящая за человеком, и внутренний процесс, приведший к созданию произведения, гораздо важнее для меня, чем место этого произведения в истории искусства. Поэтому во многих случаях "аутсайдер-арт" вызывает у меня огромный интерес.

- Выбери пять прилагательных, которыми можно описать твое искусство.

Неряшливое, печальное, небезнадежное, честное, изощренное.

- Ты считаешь, что этот мир, создаваемый тобой в картинах и инсталляциях, слишком жесток к его обитателям? Или населяющие его твари просто не в состоянии выдержать взваленный на них груз жизни? (Как писал Даниил Хармс: "Хорошие люди, и не умеют поставить себя на твёрдую ногу")

Какой бы гнилой отмазкой это ни прозвучало, я не считаю, что создаю в своих работах какой-то мир, отличный от существующего. Похоже, у любого мира для его обитателей имеется в запасе масса любви и не меньше злобы. Поэтому мне кажется более разумным относиться к этому миру как к беспристрастному наблюдателю, не более.

- Ты веришь в Судьбу или думаешь, что человек всегда в состоянии ее перебороть?

Раньше мне доводилось задумываться о судьбе, но от этого у меня реально начинала съезжать крыша. Я размышлял: так - а что, если то, что только что произошло, и должно было произойти, так было задумано изначально? И продолжал: но тогда и то, что я сейчас думаю об этом, тоже было предопределено. И то, что я сейчас думаю о том, что думаю, что это было предопределено, тоже всего лишь исполнение чего-то изначального замысла... В возрасте восьми лет я настолько заебал себе мозги этим кошмаром, что сейчас предпочитаю гнать от себя подобные мысли куда подальше.

- Что ты считаешь самой несправедливой вещью в мире?

Было бы крайне несправедливо выделять одну самую несправедливую штуку, потому что в нашем мире так много чертовски несправедливых вещей.

- Осенью 2007-го часть прошлогодней выставки 'USA Today' будет показана в Эрмитаже. Поедут ли в Россию и твои картины или инсталляции?

Насколько я знаю, там действительно должно быть что-то из моих работ, вот только не знаю, что именно.

Фрагмент инсталляции "Hopefully, I will live through this with a little bit of dignity" ("Надеюсь, мне удастся пережить это, сохранив хоть каплю собственного достоинства")

Фрагмент инсталляции "I will stop fighting you when death stops fucking with me" ("Я буду бить тебя, пока смерть не перестанет меня наебывать")
Courtesy of Friedrich Petzel Gallery, New York

здесь и вверху фрагменты инсталляции "Erections Pointing at Stars and Angels" ("Эрекции, указывающие на звезды и ангелов")

Спасибо за помощь Colby Bird из Friedrich Petzel Gallery (www.petzel.com)

смеялся над уродами
Макс Шевцов

Приложение.

Илья Кормильцев. Последние интервью.

http://www.nso-korpus.info
Дмитрий Румянцев

Дмитрий Румянцев: Первый вопрос быть может несколько неожиданный: если бы у Вас была возможность уничтожить эту цивилизацию, воспользовались бы Вы такой возможностью?

Илья Кормильцев: Давайте сперва определимся с термином "цивилизация". Что это такое? Это биологические существа или система отношений, которая между ними существует?...

ДР: Ну хорошо. Допустим, мы говорим о либеральной западной цивилизации.

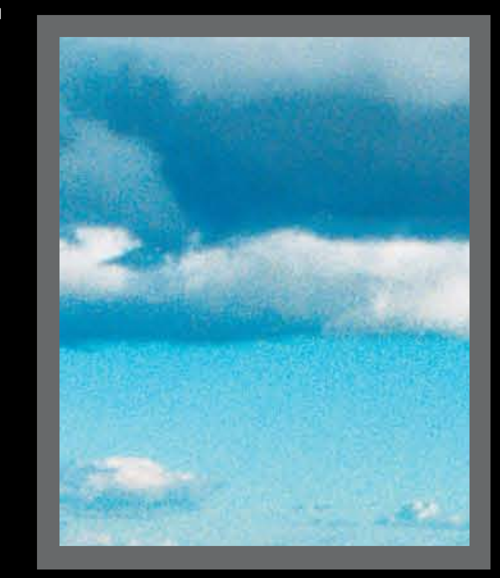
ИК: Если говорить о том, что сейчас называют либеральной западной цивилизацией, то лично у меня главная к ней претензия - это то, что она не либеральная, в том смысле, как это понимали классические либералы. В этом смысле мне бы очень хотелось, чтобы всем стала ясна ложь, заложенная в её названии. Для начала. Это, между прочим, уже шаг к её уничтожению, для чего не нужно располагать никакими фантастическими силами.
Безусловно, сложившаяся система отношений, которая навязывается как универсальная и которая имеет совершенно чёткие и понятные центры навязывания, чётко обозначенную политику навязывания и чётко обозначенные собственные задачи - это опасное явление. И я бы его, наверное, уничтожил. Если допустить, что я располагаю неким демиургическим всемогуществом, то я бы уничтожал её, как уничтожает врач-онколог раковую опухоль, метастазы. Я бы очень тщательно выбирал, где бы провести линию разреза, чтобы не задеть здоровые ткани. Для меня современное развитие т.н. "либерального западного проекта" подобно злокачественному заболеванию.
То есть некоторая совокупность внутренне здоровых идей, которые формулировались в XVII, XVIII веках, и которые парадоксальным образом породили как эту т.н. либеральную цивилизацию, так и её самых яростных противников, как справа, так и слева. Все они выросли из одного корня. Из корня постановки вопроса по отношению к той традиции в контексте средневековой северной европейской культуры. Там, безусловно, было много здоровых идей, которые нужно чётко отделить от их практического воплощения, от их интерпретации и их манипуляции, произошедшей в более позднее время. Но сам этот нарост в виде современного либерализма, я бы конечно уничтожил без малейшего сожаления и совершенно беспощадно. При этом, если мы говорим, что цивилизация - это есть отношения, то есть и носители этих отношений. Есть люди, которые практически неисправимы, с ними разговаривать практически бесполезно. Следовательно при подобной хирургической операции мне пришлось бы пожертвовать ими. Это бесспорно.

ДР: На Ваш взгляд, Третий Рейх был апофеозом западной цивилизации, или же это был проект, направленный на её уничтожение?

ИК: Сам по себе Третий Рейх был сложным проектом, внутри которого было несколько течений. Мы помним, что ранние истоки носили ярко выраженный традиционалистский характер, и они развились в то, что в современной Европе называют "новыми правыми" - их традиционалистскую линию, которая идёт через Генона, Эволу и т.д. В нём был очень сильный момент, связанный с национал-социалистическим дискурсом, связанным с определёнными версиями левых традиций. То есть это было комплексное явление. Когда говорят об идеологии Третьего Рейха, то забывают вот о чём. Хотя сам Третий Рейх существовал всего 12 лет, был длительный период подготовки к нему, который начался фактически в 70-80-е годы XIX века при консолидации германской нации на почве Пруссии.
Если рассмотреть Третий Рейх, как глобальную систему, не ограничиваясь временем политического существования, то она испытывала также очень сложную и разнообразную эволюцию. Это примерно так же, как когда говорят об СССР, не замечают, что не было одного СССР, а было как минимум три СССР. Слово "советское" ничего не значит. Какое советское? Советское левых коммунистов или авангарда 20-х годов? Или советская брежневская эпоха 1970 - начала 1980-х? Это разные "советские".
Также и Третий Рейх - в нём были заложены очень различные потенции, многие из которых продолжают достаточно активное существование в тех или иных дискурсах. Я считаю, что конечно же была реакция на первое проявление финансового неолиберализма, на первое проявление международного интернационального империализма, такого космополитического.
Конечно, это была одна из первых ответных реакций, защитных по отношению к традиционной европейской северной культуре. И безусловно было очень много попыток спасти и отстоять от этой эрозии традиционные ценности. Но как это всегда бывает с активным проектом, в нём начинает что-то отбрасываться ради чего-то. В результате, мне кажется, трагедия Третьего Рейха заключается в том, что он позволил манипулировать собой. И в итоге сыграл на игру противопоставления двух мегапроектов: советского проекта и нацистского проекта. Проигрыш оказался в конечном итоге на руку тому самому мировому ростовщичеству, против которого первоначально германский национал-социализм и позиционировался. То есть в какой-то момент интенция была потеряна.
Я думаю, что ловушка состояла в чересчур узкой и чересчур пристрастной интерпретации расовой гипотезы. То есть тогда, когда Третий Рейх потерял своё значение универсального проекта и начал восприниматься, как традиционный проект германского империализма, то в этот момент он потерял ту более широкую поддержку, на которую мог бы рассчитывать. Точно так же, как СССР, отказавшись от концепции интернационализма и обрушив свой удар по Коминтерну и по его работникам, подорвал свою репутацию, как международного интернационального проекта, проекта планетарного значения. В этот момент СССР оказался в позиции изолированного полюса силы. Хотя в 1960-70-е годы предпринимались попытки восстановить интернационалистическое значение.
В результате, замкнувшись на ценности традиционно национальной вопреки ценностям более универсальным, оба проекта стали жертвами манипуляторов, которые смогли столкнуть оба проекта лбом. Выигрыш от этого получила формально Америка на традиционно национально-геополитическом уровне анализа, а реально - тот самый неолиберальный проект, который получил вместо двух противников, бывших в начале, только одного противника, т.е. упростил для себя ситуацию. А затем уже начал подрывать оставшегося противника всеми своими силами. Мне кажется, вот здесь была беда, и здесь закончился универсализм, который безусловно присутствовал у национал-социалистического проекта при его рождении. Но безусловно, Третий Рейх - это одна из самых ранних защитных реакций на то, с чем мы имеем дело сейчас в лице монополярного мира.

ДР: Сейчас, судя по некоторым Вашим интервью и публичным высказываниям, ситуация в России Вам активно не нравится. А был ли такой момент, после того как рухнул "Совок", когда Вы испытывали определённую радость по этому поводу?

ИК: Активного торжества в стиле: "Ох, замечательно - мы победили!" я никогда не испытывал. В принципе, ещё в середине Перестройки мы испытали большой шок,

столкнувшись с политическим дискурсом, который начал формироваться в качестве одних из эксплуатируемых символов рок-движения, которое начало активно эксплуатироваться именно в духе либерального контекста. Для нас это было, честно, некоторой человеческой неожиданностью. Когда мы вырвались в столицу и вдруг поняли, что нас рисуют совсем не те люди, с которыми хотелось бы, условно говоря, дружить. То есть, конечно, никакого такого торжества не было.
Конечно, была радость по поводу падения наиболее противных элементов позднего брежневизма, которые были откровенно фальшивы, прогнили изнутри, которые уже никуда не годились, в которые никто не верил, в том числе и те, кто работал на защиту этой части позднесоветского ханжества. Но какого-то особого торжества, ещё раз скажу, никогда я не испытывал.

ДР: Считали ли Вы себя в 1980-х революционером и считаете ли сейчас?

ИК: Слово-то какое... Я считаю себя человеком, у которого есть активная позиция. При определённых стечениях исторических обстоятельств эта позиция может стать революционной. Но, конечно, профессиональным революционером я себя не считаю. Я, всё-таки, художник по преимуществу, издатель, поэт, публицист. Но какую точно я позицию никогда не разделял - это позицию так сказать "революциофобов", которые говорят, что при любой ситуации лучше спокойствие...
Существует огромное количество ситуаций, при которых компромисс - это плохо, компромисс - это невозможно, компромисс - это поражение. И тогда революция остаётся единственным выходом. И мне кажется, что любой интеллектуально активный человек, у которого своя метафизическая позиция, свои жёсткие требования, своё чёрное и белое, своё добро и зло, свой Бог и Дьявол - он не может сказать вслух, что революция в любом случае - это плохо, и он на неё не согласен. Мне кажется, что боязнь революции присуща тем людям, у которых нет чёткой метафизической позиции, которые заботятся прежде всего о своей собственной биосохранности. Ну то есть то, что называется "мещанин, обыватель".

ДР: Есть такое понятие - "Система", которое многие используют, правда подчас вкладывая разный смысл. Но общее у всех: Система - это некоторое зло, которое всех "гнобит", с которым надо бороться. Система плоха, потому что она - Система. Вы используете этот термин? Если "да", то что для Вас Система?

ИК: Для меня Система - это, в первую

очередь, некоторое отчуждение человека от политического процесса. Система - это некий механизм отчуждения от принятия решений всех тех людей, которые хотели бы принимать в этом участие. Все эти разговоры о демократии фальшивы уже потому, что демократия не может принадлежать всем. Уже с момента зарождения в античном мире, демократия опиралась на определённый ценз допуска. Этим цензом очень часто злоупотребляли определённые касты или властные группы, которые делали, например, принадлежность по праву рождения единственным основанием.

Ротация элит необходима - противное вредно для самих элит. Но в любом случае, есть активные участники, которые хотят решать - они должны быть допущены. А есть, грубо говоря, быдло, которому всё равно, и вовлекать его не надо, потому что у него нет собственного мнения. При демократии этот процесс становится объектом манипуляции. Сегодня мы видим болезнь всех демократий, полный крах современной электоральной системы. Система - это нечто, на основании формальных критериев, не обоснованных философски или религиозно, присваивающее себе эксклюзивное право отчуждения всех прочих субъектов от политического процесса. В этом смысле самые совершенные Системы - это системы конспиративного толка, закрытые системы, которые настолько не заинтересованы в участии посторонних, что даже никак не оформляют себя во внешнем плане. Например, одно дело, скажем, в феодальной системе класс аристократов, который себя активно наглядно манифестирует - "именно потому, что мы благороднее по рождению, мы будем всё решать". В этой ситуации имеется возможность полемики, когда, например, появляется какое-то третье сословие, задающее вопрос: "Почему это вы будете всё решать? Вы ничего не умеете, кроме как на балу плясать да на лошадях скакать. А мы строим фабрики и заводы, накапливаем капиталы, открываем другие страны. Почему мы не должны участвовать в решении вопросов?"

Сейчас, что страшно, всё больше и больше усиливается процесс, когда элиты прибегают к способам власти скрытой - крипторитм. То, что мы видим на примере нынешнего либерального мира - это давно не государственное правительство и даже не международные организации. Сейчас подчас всё решают люди, которых никто не избирал, никто не назначал, да чаще всего и даже просто никто не знает. Ну например, со дня учреждения в 1927 году ни разу не публиковался состав акционеров Федерального резервного банка США, который является частным предприятием. А ведь эти люди решают, сколько будет ещё напечатано долларов, то есть активно влияют на мировую политику. И эта схема становится всё более используемой в рамках либерального проекта. Этот термин вообще насквозь фальшив, поскольку реально направлен не на максимальный, а наоборот, минимальный допуск извне участников принятия решений, вопреки всем традиционно существовавшим интерпретациям слова "либерализм". И, кстати, как сказано в одной книжке, которую мы скоро выпустим - совершенно не важно, являются ли "Протоколы Сионских мудрецов" подлинным документом, или это фальшивка, сфабрикованная царской охранкой, подлинность "Протоколов" уже неважна потому, что мировые элиты действуют в точном соответствии с этими "протоколами" *(смеётся - прим. ред.)*.

Система - это в той или иной степени заговор, если мы понимаем под заговором соглашение о недопущении в этот закрытый круг лиц.

ДР: Вы себя к какому лагерю относите: либерал, левый, традиционалист?

ИК: Самыми притягательными для меня идеями организации - хотя я понимаю их малую реализуемость в современном мире, - являются идеи раннего американского индивидуалистического либерализма, предшествовавшего непосредственно американской революции. Это идея о том, что группа свободных граждан, свободно собравшаяся на свободной территории, полномочна сама вырабатывать законы, по которым им надлежит жить. Другое дело, что я считаю эти идеи нежизнеспособными в современных условиях - экономических, социальных. После краха идеи о лёгком и быстром завоевании Космоса, эта идея о возможности самоорганизации групп на свободных территориях, выглядит утопичной в силу отсутствия свободных территорий. Поэтому для меня это - утопическая мечта. Утопия о том, что могут существовать какие-то общины, которые решают всё сами при минимальном вмешательстве манипулятивного, отчуждающего, постороннего к их нуждам потенциально конспирологического государства, которое находится во власти какой-то узурпирующей группировки - хорошо если явной, а ещё хуже, если криптоэлиты. У меня всегда было тяготение к этому дискурсу, хотя у меня сложная этическая философия, на формирование которой влияло и радикальное христианство, а частично и левый дискурс - марксистский. Я затрудняюсь с точным самопозиционированием. Я предпочитаю жить в ожидании появления идеологии, которая меня полностью удовлетворит. Но я считаю, что традиционные политические дискурсы в определённой степени исчерпаны. Требуется их радикальное переосмысление, чтобы мы смогли заговорить на языке нового времени. Требуется синтез всего положительного, что было в этих дискурсах, чтобы дать новый источник сопротивления внутри человечества в целом и внутри отдельных его частей.

Сейчас мы живём в эпоху кризиса глобальных задач. Нынешние традиционалистские задачи оборачиваются формой, что мы видим постоянно. Если мы берём религиозный традиционализм и фундаментализм, если мы берём политический фундаментализм, левый или правый - они все немного грешат пороком возвращения в прошлое в таком стиле: когда-то было "зашибись хорошо", и туда надо вернуться, чтобы вернуть это "зашибись хорошо", стереть всё то историческое время, которое прошло между "сейчас" и "золотым веком" и т.п. Все они очень часто грешат ретроспекцией. Мне кажется, что когда человечество заходит в кризисную ситуацию, то вектор прорыва должен быть направлен вперёд - не ретроспективный, а футурологический исход. Это должен быть модернизующий проект, даже если он отчасти использует исторические прецеденты и элементы "золотого века", он всё равно должен понимать, что эти модели "золотого века" в новых условиях должны быть отстроены по-новому.

...

В этом смысле мне симпатична яркая лимоновская линия "другой России" и других русских, которая, конечно, весьма путанная и политически частично бредовая и нереализуемая, но нравится сама интонация, что нужно всё зачистить и построить на этом месте новое, что старые попытки самоидентификации - они никуда не годятся, потому что их уже пробовали, и они кончились известно чем. Сама интонация на построение чего-то нового, а не реставрацию какого-то былинного Китеж-града - очень правильная.

...

Вот эта постоянная направленность куда-то в прошлое и, самое главное, непонимание того, что любой реально успешный проект сегодня, в эпоху глобализации, должен, даже если он национально сформулирован в своей основе, носить глобалистический вектор. Он не должен быть изоляционистским. Любой изоляционистский проект в этом смысле - это сразу превращение из субъекта истории в объект истории. То же самое, кстати, не понимают наши исламофилы, когда начинают кричать: "Вот аятоллы, они молодцы, они против Соединённых Штатов". И что? Соединённые Штаты рады, что есть аятоллы, а аятоллы рады, что есть Соединённые Штаты. Как они дружно действовали в процессе о карикатурах? Фактически на один голос. Всем было удобно. И когда эти изоляционистские исламские проекты защищают свой изоляционизм, то они конечно правильно делают - они владеют нефтью и неслабо с неё имеют.

...

На самом деле мы имеем дело не с каким-то патриотическим и национальным правительством. Мы имеем дело с шайкой-лейкой, которая изображает из себя всё что угодно - "хряпает мурцовку" и готова креститься или там поднимать чёрно-бело-золотистый триколор или красное знамя с серпом и молотом. Главное для них - что хозяин скажет, его интересы всегда первые. А хозяин не здесь - это совершенно очевидно. Всё остальное - для отвода глаз.

...

Ведь эти люди, которые правят Россией - это же молодняк эпохи Перестройки. Для них всё просто: вот есть Россия - мерзкая и убогая, где можно делать хорошие деньги, а вот Запад, который "нам поможет". Но ведь на самом деле этой системы уже нет. Мир начинает расшатываться, несмотря на все усилия неолиберальных моголов и бонз. И очень скоро им будет очень трудно найти на планете Земля безопасный уголок.

Правда, тут уже вступает в действие крупнокалиберная версия теории заговоров о том, что может быть они и жить-то не собираются на этой планете. Но так далеко мы заходить не будем *(дружный смех)*.

ДР: В этой связи любопытна появляющаяся информация о проектах создания полностью автономных океанских суперлайнеров - таких плавающих островов, как в романе Жюль Верна.

ИК: И океанских суперлайнеров... И, судя по всему, мировая криптоэлита будет сейчас всё больше вкладываться в создание т.н. несмертельного оружия, в разработки новых способов контроля за сознанием и пр. Они будут искать - спасения. Спасения они будут искать для себя, и территорию защиты. Причём наши-то пока ещё находятся на периферии этого процесса, потому что пока верят в традиционные ценности - украл и убежал в Швейцарию, или в Уругвай, или не знаю куда. А на Западе уже понимают, что это не совсем так, и ищут каких-то альтернативных способов контроля за ситуацией, потому что традиционные методы геополитики перестают действовать. Потому что, знаете, я в одной статье довольно цинично написал парафраз на известное "Можно ли после Освенцима писать стихи?". Я написал: "Можно ли после Беслана захватывать детей в заложники? Нельзя! Потому что надо придумать что-то покруче". Вот и здесь примерно такая логика. Самая большая опасность для человечества сегодня исходит от поиска новых попыток контролировать, создавая всё более и более могущественного врага.

...

Традиционная логика биоманипуляции до сих пор строилась на том, что должен быть могущественный враг, который для всех однозначно хуже, чем тот status quo, который уже существует. Так на Западе всю эпоху Холодной войны разрабатывался образ советского коммунистического лагеря. После того, как он исчез, такой же образ стал срочно лепиться из мирового Ислама. Мировой Ислам радостно, в лице определённых своих властных структур, подыграл этому, решив, что Совку ведь неплохо, в общем-то, жилось, пока он противопоставлял себя Америке, так может им тоже будет неплохо постоянно противостоять Америке. Но опасность в том - вот как в примере про Беслан - враг должен быть каждый раз всё круче. Если у Совка была атомная бомба, то неизбежно у Ислама она должна быть, иначе что же это за враг, которого можно убить щелчком пальца. А следующий враг должен быть ещё круче. Таким образом, вся эта манипуляция напоминает игру в покер, когда при блефе ставки всё время увеличиваются и увеличиваются.

Наиболее умные из мировых хозяев начинают понимать, что игру можно разогреть до такой степени, что и сам не уцелеешь, поэтому активно ищут новые способы контроля. Я думаю, что большая доля тех безумных денег, которые выкачиваются через мировую спекулятивную систему быстрого движения капитала, на самом деле направляет именно на эти цели.

ДР: Давайте от политики перейдём к культуре. Вернее, к "Ультра.Культуре". Почему - ультра-культура? На мой взгляд, большинство из того, что издаётся в вашем издательстве, скорее относится с тому, что называют "субкультура".

ИК: Меня, как большого любителя античности и древних языков, интересует первичное значение слов. Первичное значение слова "ультра" - это не "чрезмерно", а - "за границей". Для меня "культура" - это отрицательное, в принципе, понятие. Культура - это пыльные музеи, дети, скучающие на абонементе в филармонии; культура - это некое замещение реального процесса познания мира и сознания индивидуума, позиционирующего себя по отношению к этому миру, неким культурным ритуалом, который человек должен пройти, чтобы сказать: "ну вот, теперь я культурный человек; вот это я знаю, вот это видел, это прочёл, то посмотрел, туда ходил" и т.п. Но на самом деле грош цена той культуре, которая не заставляет человека переоценивать себя, ставить метафизические задачи и действовать.

Любые проекты радикального характера - проект красный или проект коричневый, проект зелёный, словом, любой - это всё выкидывается либеральным обществом за пределы культуры. Ультра - это то, что по ту сторону; это не то, что есть область нашего политкорректного консенсуса, в котором всё, что ставит серьёзные вопросы и апеллирует к серьёзному действию - к изменению, не важно в какую сторону - этого не должно существовать, потому что мы должны жить в мире тайного компромисса. То, что подпитывает этот компромисс, называют культурой. То, что не подписывается под этот компромисс, называется как угодно: маргиналами, фашистами, безумцами, диссидентами... Слов может быть, опять таки, тысяча, но определяют они всё то, что позиционирует точку зрения, с которой пока невозможно найти компромисс.

Поэтому мы и отказываем всему, что называется культурой, и выходим за её пределы. Вот примерно такие основания скрываются за названием "Ультра.Культура".

...

ДР: А "Урфин Джюс" был ультра-культурой?

ИК: По интентам - вряд ли. Мы вообще тогда не понимали, за что нас запрещали. Мы на полном серьёзе были уверены, что боремся с "негативными явлениями", как тогда говорилось. Мы пели про бездуховность, про фарцовщиков, про потребительство. Возвращаясь к издательству. Нас всё пытаются заклеймить - "левое издательство", "жёлтое издательство", "коричневое издательство" и т.д., заклеймить, чтобы затем манипулировать как объектом. Но проблема в том, что старая идентичность разрушена, и основным стимулом становится желание сохранить хоть какую-то идентичность вообще. Всё из-за этого катка универсальной культуры, универсального подхода, универсальных ценностей. Поэтому мы в той или иной степени солидарны со всеми, кто восстаёт против этого процесса. Главной опасностью является этот неолиберальный проект, нивелирующий, космополитический, античеловеческий проект. Это потом уже можно будет разбираться в этом спектре недовольных, а пока ведь бессмысленно: "Фа ловят антифа - антифа ловят фа". Самое-то интересное, кто из них вдоль Рублёво-Успенского шоссе рискнёт пройти с факелами. Вот на этих я хотел бы посмотреть. А те, кто бьют морды друг другу... Если мы с вами говорили о Системе, то они как раз Системе и служат.

ДР: Возникает тогда следующий вопрос. Культура в Вашем понимании, да наверное и в моём - это сейчас фактически уже шоу-бизнес. Шоу-бизнес - это деньги. Соответственно, у всего, что "за пределами", с деньгами туго. Издательство не слишком коммерчески успешное?

ИК: Ну как сказать? Мы самовоспроизводящиеся. У нас задача заключается в том, чтобы иметь деньги на то, чтобы печатать новые книги и платить гонорары авторам. Мы не ставим задачи создания некоего капитала, который можно пустить в оборот. Мы ведь не собственники - мы все работники в этом издательстве. А у собственника какие-то свои комплексы, какое-то своё недовольство ситуацией, некий потенциал в нём, который заставляет его давать деньги.

ДР: Можете назвать наиболее успешные книги издательства "Ультра.Культура"?

ИК: Наиболее успешная наша книга - мы это правда не афишируем, - это "Чёрная медицина", которая уже приближается к стотысячному тиражу.

ДР: Что в ней такого захватывающего?

ИК: "Чёрная медицина" - это американский учебник о том, как выжить в городе, как правильно "розочку" сделать, как драться на улице, не владея специальными приёмами, что делать, когда тебя связанного загрузили в багажник и т.д. Это пользуется бешеным спросом. И, кстати, спрос этот показывает, насколько насилие аккумулировано и на самом деле никуда с 90-х годов не ушло... Если в 90-х годах общество напоминало бомбу, то сейчас оно подобно мине, которую турецкие строители задекорировали с помощью евроремонта - ресторанов понастроили, торговых центров, а внутри осталось то же самое - тикающий часовой механизм.

...

Ещё раз повторю: государство имеет право классифицировать что-то как призывы к насилию, только если я стою, скажем, на углу Тверской и Камергерского и призываю. Но в рамках определённого дискурса, даже если я говорю, что каких-то людей необходимо убить, я имею право на эту позицию. В противном случае человек превращается в кастрированное существо, дрессированную обезьянку, которой отрезали яйца. Ему вбили в голову: "так говорить нельзя, так поступать нельзя" и т.д. Я буду до конца отстаивать право человека выражать своё мнение, вплоть до выражения мнения, сводящегося к насильственному противостоянию идеям или каким-то группам лиц.

ДР: Хорошо, право на призыв... Если рассмотреть процессы конца 80-х, которые в конечном итоге и разнесли государство на куски, то звукоряд этих процессов во многом состоял из двух групп: "Кино" и "Наутилус". То есть Вы, фактически, вооружили массы простыми и всем понятными лозунгами-песнями. Как поэт, Вы не ощущаете свою ответственность за это? Ответственность за то, что некие несформулированные толпой идеи Вы перевели в разряд вполне понятных и вполне красивых текстов, и эти тексты спровоцировали дальнейшее действие. Или Вы считаете, что поэт стоит вообще вне какой-либо политической ответственности?

ИК: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся", - давно было сказано, и Тютчев был в этом прав. Я не жалею обо всех этих стихах, потому что то, что я в них вкладывал, остаётся для меня до сих пор актуально. Протест - против того ханжества, в котором пребывал поздний Совок, против людей, которые жили исключительно животными интересами, против всей этой массы будущих хозяев страны, комсомольцев, фарцовщиков, против всей лжи, против всей скованности - он никуда не делся, я о нём ничуть не жалею, он был совершенно справедливым. Если в силу каких-то исторических процессов кто-то использовал данные художественные тексты как аргументы против имперской идеи или коммунистической идеи, то я с этим ничего не могу поделать.

Стихи живут очень долго - если это неплохие стихи, то дольше самого поэта. Интерпретации меняются. Люди снова возвращаются к ним и находят в них иные смыслы. Если это так было воспринято, то я считаю, что это было преднамеренно организовано определёнными кругами журналистского сообщества - именно такое восприятие русского рока, как право-либеральную протестную речь. С этим ничего нельзя поделать. Можно пожалеть, что мои высказывания были приватизированы для чуждой мне цели, но бегать по улицам и кричать "я не это имел в виду" достаточно глупо. Главное - продолжать писать, писать другие стихи, писать другие тексты, жить дальше, строить свою жизнь и как частного лица, и как политического человека так, чтобы в конце времён стало ясно, что на самом деле ты имел в виду.

Тут я не склонен к самобичеванию. Что получилось, то получилось. Мы были маленькими и наивными, мы были слабо информированы, как и большинство молодых людей нашего поколения в эпоху этого позднего советского строя. Если и есть какая-то в этом доля нашей вины, то по сравнению с теми, кто с бодуна подписывал бумажки в Беловежской пуще, она примерно как вина комара, укусившего Христа, по сравнению с виной тех, кто вбивал в него гвозди.

ДР: А как Вам сентенция о том, что поэт в России больше, чем поэт?

ИК: Эти сентенции, знаете, примерно из той области, как в 8 классе мальчишки меряются, у кого писька длиннее. Я считаю, что эти сентенции - дурновкусие определённое, оттого что наша культура очень любит пользоваться штампами. Все культуры этим грешат, но у нас, русских, какое-то болезненное пристрастие к пословицам, к разным издревле устоявшимся журналистским метафорам и штампам, которые повторяются совершенно бездумно.

Я думаю, что поэт всё-таки - это не существо номер один в обществе. Художникам надо быть поскромнее и понимать, что они лишь зеркало или фотоаппарат, который снимает только то, что уже существует. И фразы, которые через них идут - они очень часто идут откуда-то свыше, а не из них самих. Когда художники присваивают себе какие-то особые полномочия и права в связи с этим, то мне кажется, что это дурновкусие.

...причём здесь какие-то стихи, которые я когда-то писал? ...Всех надо судить одной меркой, если уж на то пошло. Не думаю, что мои стихи дают мне какую-то автономию или специальную защиту. Так же, кстати, как не думаю, что на меня это роняет и какую-то особую вину. В конце концов, если прислушаться, если вспомнить, что мы писали... Ну возьмём такое считающееся самым политическим произведение - "Скованные одной цепью"... Ну и что? Неправда, да? Где в этом тексте содержатся слова, что давайте мы будем отнимать у людей квартиры под ипотеки, заставлять всех работать за гроши на международные корпорации, которые будут выкачивать нефть? Там описывается реальная ситуация, в которую вошёл позднебрежневский и постбрежневский режим, который сам уже заврался и жил капиталистическими ценностями, изображая из себя что-то коммунистическое. В песне содержится описание определённой безысходности, которая тогда была и выход из этой безысходности - "правый, левый...". Так что я не чувствую угрызений совести.

Угрызения совести могут быть за своё поведение политическое, за то, что я был недостаточно

7235

активен, недостаточно работал на поле публицистики, пытаясь объяснить свои мысли в каком-то другом формате, менее абстрактном, чем поэтический. Я потерял много лет на рок-н-ролл в тот момент, когда он умер как действующая сила сопротивления. Вот за это, возможно, испытываю угрызения совести, да. А за то, что писал? Почти ни за что.

ДР: В конце 80-х миллионы, десятки миллионов людей, ненавидящих Совок - это сейчас они вдруг стали говорить, как хорошо было при Совке, а ведь тогда все его ненавидели - и я его ненавидел, и Вы его, наверное, ненавидели - находили для себя олицетворение своих смутных мыслей в основном в Ваших текстах и в текстах Цоя из группы "Кино".

ИК: В отличие от многих представителей моего поколения, когда мне говорят "вот как хорошо там было", я говорю "не хочу туда обратно". Я потерял среди своих друзей, наверное, 80% своего поколения и предпочитаю дружить либо с людьми много старше, либо много моложе - именно в силу этой мерзкой ностальгии по портвейну, подъезду и колбасе. Моё отношение к тому режиму не изменилось ничуть. Да, из-за его гибели возникли какие-то огромные человеческие страдания, исторические издержки... Ну а как он, режим, мог жить?
То есть никакой ностальгии по тем временам у меня нет. Если я испытываю ностальгию, то очень часто жалею, что не жил в 20-е годы. Для меня Советская власть в большей степени была в рассказах деда, старого коммуниста, чем в том, что я видел в школе и вокруг себя. Нет поэтому прощения... Даже такой яростный националист, как Проханов, в частных беседах на мой вопрос "Будет здесь ещё что-нибудь?" отвечает "Я очень сомневаюсь". Я спрашиваю: "Почему?". "Это кара, кара за предательство великого проекта, всё равно мы должны нести кару, и сколько она продлится - неизвестно". Всё это растление, распад...
...
Коммунистический проект - это очень сложный проект, в нём было очень много противоречивого, много потенциально опасного, о чём критики его уже много раз говорили. Традиционалистские правые критики говорили, что в коммунистическом проекте было некое неуважение к человеку, как к национальному, культурному, биологическому существу. Некий прыжок через голову был, который обычно связывают с сильным присутствием еврейского элемента в коммунистическом и красном движении - там было их мессианство и склонность оторваться от чего-то... Было. Но были и по-настоящему великие моменты. То есть проект, конечно, великий. И то, как он бездарно продавался и предавался в 70-е, это конечно огромная вина вот этого Совка, в котором мы реально родились и выросли. И эту вину, на самом деле, простить трудно. Говорить: "Ой, зачем мы это всё натворили, лучше бы туда назад вернуться..." Да не было там уже никакого "назад".
...
Как я говорю, ретро-проекты меня мало волнуют. И по своей структуре, и психологически, и по убеждениям, я никогда не вижу в ретро-проектах ничего... Вот почему Хозяева - с большой буквы - так любят ретро-проекты? Да понятно, почему. Ретро-проекты никогда не угрожают ничему в этом мире, никакому будущему, которое пытается для себя приватизировать "Хозяева". Все ретро-проекты идут в тупик. Поэтому им не мешают.
Хочешь истово молиться по афонским монашеским правилам? Да иди, молись, главное - к газгольдеру не подходи... *(смеётся)* Вот есть у нас сумасшедшие люди, монахи - они в монастыре живут; сумасшедшие, да, но они никого не трогают. Поэтому им позволяют быть...

Москва, офис издательства "Ультра.Культура", апрель 2006 года

***

"Эксперт Урал" №21(193)
Правильные звезды
Ольга Паутова

...Рок-н-ролл - это старый дискурс, который в свое время служил каким-то революционным культурным целям, но теперь умер, и от него осталось что-то вроде пустой шкурки от куколки, потому что бабочка улетела и живет теперь в других местах. Думаю, в принципе, тогдашняя ситуация была уродливой, потому что контркультура должна выражаться во многих формах и жанрах, она должна быть комплексной. Сильный перекос в музыку - слабость того времени.
...
...в определенный момент, в силу произошедших в обществе перемен, большая часть субкультуры и контркультуры 80-х социализировалась и интегрировалась в официальную культуру и при этом фактически погибла. Если на легком жанре коммерческой музыки такая перемена сказалась безболезненно (о чем стонали при Горбачеве, о том же стонут при Путине), то для креативного музыкального искусства это не прошло бесследно. Встроившись в систему существующих ценностей, оно перестало жить как таковое. Позволив себе стать официальной, рок-культура самоликвидировалась. Ну, есть "ветераны". Они имеют свой круг поклонников, свой интерес к себе. Это Гребенщиков, Шевчук. Но для меня все это носит характер архивный. Свежего процесса нет. Поэтому я отношусь к рок-н-роллу цинично и считаю, что все мои знакомые, друзья по той жизни превратились в старых толстых засранцев. Больше от них пользы нет. Боря Гребенщиков устраивает себе день рождения в Кремлевском дворце съездов и получает от власти, у которой руки по локоть в крови, орден Андрея Первозванного какой-то степени! Он что, может считать себя рокером, носителем прогрессивной культуры?! О чем после этого разговаривать?! ... Ну и все остальные из той же оперы...
...
Какие-то каналы, объединяющие субкультурное или контркультурное позиционирование, конечно, существуют. Но они больше связаны с литературой, театром, интернетом. Музыкальная компонента невысока. А театральные, сетевые проекты, как "Политтехно" Алексея Вишни, журналы "Наш" и "Иначе", театры малых форм Театр.doc, Политкабаре, напоминают мне период зарождения советского рок-н-ролла, когда в него был вовлечен крайне ограниченный круг людей - десятки, может быть, сотни.

6 июня 2005

***

ДЕКРЕТ ОБ ОРУЖИИ

Друзья! Граждане! Братья и сестры!
Наша Родина - Всемирный СССР - оккупирован жестоким и беспощадным врагом. Его бесчеловечность уже успели почувствовать на себе многие из нас. Благородная ненависть переполняет сердца тех, в чьи семьи пришла беда, страдание, отчаяние и смерть. Но чтобы победить врага, мало ненавидеть его - нужно знать, в чем причины его враждебности всему, что дорого сердцу каждого человека - свободе, счастью, надежде, радости.
Я долго размышлял об этом, и Творец Миров открыл мне тайну: наш враг психически ненормален, Всемирный СССР стонет под гнетом организованных банд психически больных субъектов, страдающих тяжелыми формами параноидального и гипоманиакального расстройства, сопровождающихся целым букетом маний, галлюцинозов и аберраций восприятия действительности, в результате которых больные воображают себя главами, руководителями и членами правительств и администраций, иерархами т.н. "церквей", собственниками принадлежащих нам земель, недр, строений и средств производства, работниками т.н. "силовых" структур и т.п.
Страдающие от мании величия психооккупанты воображают, что обладают правом судить, задерживать, лишать собственности, свободы и жизни граждан Всемирного СССР, вмешиваться в их личную жизнь, в их привычки и обычаи, собирать о них информацию и даже - о вершина наглости! - подвергать их психиатрическому лечению.
В силу сложившегося недопустимого положения, ведущего к неизмеримым страданиям наших граждан, а в перспективе и к возможной гибели человеческой цивилизации, ПОСТАНОВЛЯЮ:
1) всем сознательным гражданам в кратчайшие сроки принять меры для освобождения территории Всемирного СССР от органов подавления и принуждения, созданных психооккупантами;
2) в силу того, что пользуясь нашей добротой, человеколюбием и благородством, банды психооккупантов завладели большим количеством вооружений, что не позволяет применить к ним традиционные психотерапевтические методы (галоперидол, аминазин, фиксацию, инсулиновую кому, психоделическую и психолитическую терапию), считаю обязанностью и священным правом каждого патриота Всемирного СССР индивидуально и в групповом порядке владеть с целью обороны Отчизны любым необходимым количеством оружия, включая ядерное, химическое и биологическое. Напоминаю в связи с этим, что право на ношение оружие является законным и священным правом каждого гражданина Всемирного СССР, преступно узурпированным именующими себя "государствами" организованными психооккупантскими группировками (ОПГ)

...
Председатель Совнаркома (Правительства) Всемирного Союза Советских Социалистических Республик (в оккупации)

Илья Кормильцев

Планета Земля, 7 июля 2006 года

***

ilia kormiltsev's journal
http://karmakom.livejournal.com/

Был потрясен тем, что я вам так дорог, и что вы прониклись таким участием к моей судьбе. Огромное спасибо за поддержку. Постараюсь ответить всем лично.

4.02.2007||10:02pm

исупов илья 2006

внизу:никита кадан

РЕФЕРАТ ПРО CHANSON-ART!!!
St.VOLYAZLOVSKY.
2006.
КУДРИ.
(НАРОДНА ПІСНЯ)
КУДРІ ВЬЮТСЯ!
КУДРІ ВЬЮТСЯ!
КУДРІ ВЬЮТСЯ!
УБЛЯДЕЙ!
ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ВЬЮТСЯ!
У ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ?!!!!!
ИСКУССТВО!!! ПРЕНАДЛЕЖІТ !НАРОДУ!

КИЕВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ КАРАСЬ ЗАТЕЯЛА БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ВЫДАЛИ ХУДОЖНИКАМ ШАРИКОВЫЕ РУЧКИ И БУМАГУ И ЗАКРЫЛИ В ХОЛОДНОЙ КОМНАТЕ. ТУТ И ВЫЯСНИЛОСЬ, КТО МЫТЭЦЬ, А КТО ЕЩЕ И РИСОВАТЬ УМЕЕТ. ПОЛУЧИЛСЯ ХОРОШИЙ АЛЬБОМ "А-4. ХУДОЖНИКИ РИСУЮТ". ОБЕЩАЮТ СКОРО ПОВТОРИТЬ.

turtle soup

александр друганов

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

фото:deniska from donetsk<maugli@front.ru>

bookвы

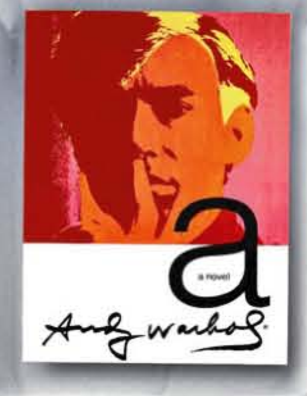
Нескольким писателям, переводчикам, критикам и прочим -ведам было предложено назвать самые недооцененные, с их точки зрения, произведения мировой литературы - т. е., книги, известные гораздо меньше, чем они того заслуживают. Ниже мы приводим часть полученных ответов, присовокупив к ним немного "отсебятины".

Джон Фанте. Сага Артуро Бандини

(Подожди до весны, Бандини; Дорога на Лос-Анджелес; Спроси у праха) - это главным образом, но и рассказы тоже; автор, вообще сильно опередивший свое время. По достоинству оценен только одним человеком - Чарлзом Буковски, поэтому за рекомендациями лучше к Хэнку.
(Прим. ред.: трилогия о жизни подростка из семьи итальянских эмигрантов, мечтающего о писательской карьере, была написана в 1930-х и "открыта" заново 30 лет спустя - стараниями Буковски, на всю жизнь благодарного Фанте за то влияние, которое он на него оказал: "...Как человек, отыскавший золото на городской свалке, я пошел с книгой к столу. Строки легко катились по странице, одно сплошное течение. В каждой строке билась собственная энергия, а за нею - еще одна строка, еще и еще. Сама субстанция каждой строки придавала странице форму, такое чувство, будто что-то врезано в нее. Вот, наконец, был человек, не боявшийся эмоции. Юмор и боль переплетались с изумительной простотой. Начало этой книги было для меня диким и невозможным чудом...")

МН

Энди Уорхол. а.

Очень странно, что при вселенской популярности Энди Уорхола его роман-протокол почти никто не читал. С другой стороны, в речевой поток звезд "Фабрики", записанный с нарушениями правил грамматики и намеренно изданный с опечатками, не очень просто въехать. Маленькое "а" на обложке - это, с одной стороны, намек на амфетамин, с другой - поклон поэту Каммингсу, не терпевшему заглавных букв.

ДВ

Джеймс Парди. Спящие в долинах, залитых луной.

Многие думают, что Парди пишет под воздействием галлюциногенных веществ. Это не так, он равнодушен к наркотикам. Однако все его герои словно только что слопали марку: странно двигаются, странно говорят, да и сами изломанные, как спящий Конрад Фейдт. Неизменный персонаж - безумно богатая эксцентричная старуха, опекающая стадо порочных юношей. Magnum opus Парди - трехтомная эпопея "Спящие в долинах, залитых луной" *(Sleepers in Moon-Crowned Valleys, состоит из романов Jeremy's Version, The House of the Solitary Maggot и Mourners Below)*, - несмотря на восторги критиков, не была толком замечена в Америке и не переводилась на другие языки. Василий Белов on acid - красивая и сумасшедшая вещь.
(Прим. ред.: пару лет назад на русский язык был переведен роман Парди "Малькольм": http://kolonna.mitin.com/books.php?bookid=66)

ДВ

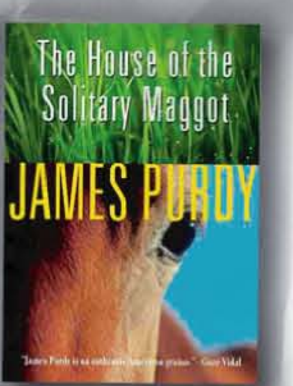

Гертруда Стайн. Становление американцев.

Модернистский шедевр, по сложности и новизне замысла не уступающий "Улиссу", однако оставшийся непрочитанным и неоцененным. Захватывает с самой первой фразы: "Однажды один сердитый человек волок своего отца по земле через сад. "Остановись! - вскричал сердитый старик. - Я своего отца не тащил дальше этого дерева". И так 900 страниц. Мечтаю уйти на пенсию и потратить остаток своих дней на перевод этой книги.

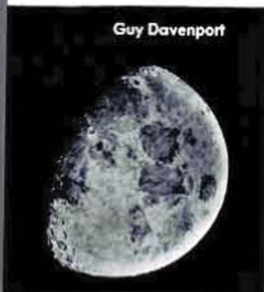
ДВ

Гай Давенпорт - опять же, in toto: человек настолько уникальный, что через столетия о нем будут вспоминать как, ну, к примеру, о Леонардо теперь; станет реперной точкой в системах мировоззренческих координат будущего, если человечество, конечно, не выродится окончательно в каких-нибудь лакированных тараканов.
(Прим. ред.: ГД (1927 - 2005) - американский профессор филологии, писатель, переводчик, критик и художник, один из глубочайших знатоков мировой культуры, автор воздушной и виртуозной прозы, на страницах которой Кьеркегор, Набоков, Гитлер, Кафка, Эдгар По и сотни других фигурантов разных эпох и стран "танцуют дивные балеты", переписывая набело всю историю нашей цивилизации. На русском языке опубликованы два сборника рассказов Давенпорта - "Изобретение фотографии в Толедо" (см. НАШ, №7/8-2002) и "Погребальный поезд Хайле Селассие" - и сборник эссе "Собака Перголези". Кое-что из его прозы можно найти здесь: http://spintongues.msk.ru/guy)

МН

Джон Кеннеди Тул. Сговор остолопов.

Если коротко (как и многие прочие здесь), книга, радикально не вписавшаяся ни в свое время, ни в последующие; а весь конец XX и начало XXI веков в ней прописаны настолько емко и смешно, что удобнее замечать не это, а то, что книга лишь "великолепно отражает колорит Нового Орлеана", например.
(Прим. ред.: трагикомическая сага, повествующая о том, как мать главного героя, тучного мизантропа и социопата Игнациуса Райлли, сторонника средневекового мироощущения и неистового критика современных порядков, пыталась пристроить его на работу, и что из этого вышло. Шумный и перенаселенный яркими персонажами эпический роман был написан в 1963 году и опубликован только спустя 11 лет после самоубийства автора, сразу же получив Пулитцеровскую премию. Русский перевод можно найти и в Сети: http://spintongues.msk.ru/dunces , но лучше отыскать его книжное издание, заново отредактированное и прокомментированное)

МН

Владимир Луговской. Алайский рынок.

(Прим. ред.: небольшая поэма, написанная "красным Киплингом", одним из главных певцов большевистской романтики, в ташкентской эвакуации, во время затяжного личного и творческого кризиса. "Три дня сижу я на Алайском рынке,/ На каменной приступочке у двери/ В какую-то холодную артель./ Мне, собственно, здесь ничего не нужно,/ Мне это место так же ненавистно,/ Как всякое другое место в мире..." - более чем необычное произведение прекрасного поэта, незаслуженно забытого в наши дни.)
Крайне адекватное описание метафизического переживания в чрезвычайно экстатической форме, притом - в совершенно определенных окрестностях. Практически стенограмма трипа от его начала до исчерпания без какой-либо потери связности по всей его длине.

АЛ

Джеймс Келман. Перевод показаний.

Без этой книги нельзя понимать, ни что происходит со страной Россия, ни что происходит со страной Украина, ни что вообще, к чертовой матери, происходит сейчас с этими блядскими странами xSU. Кроме того, Келман - наверное, самый жуткий гений нашего времени, потому что с языком он делает то, что не помстится ни в одном кошмаре.
(Прим. ред.: Келман, шотландский букеровский лауреат 1994 г., сообщает в предисловии: "Настоящий текст представляет собой перевод показаний, данных тремя, четырьмя или более людьми, которые проживают на оккупированной территории либо в стране, где задействована та или иная форма военного правления". Пугающе актуальный Великий Модернистский Роман, написанный спустя полвека после смерти модернизма. См. НАШ, №12-2003)

МН

Илья Зданевич. Восхищение.

(Прим. ред.: Илья Зданевич, или Ильязд (1894-1975), выдающийся русско-французский футурист и дадаист, заложивший основы правописания, которыми пользуются нынешние "падонки" - см. его драмы на "заумном" языке "Янко круль албанскай", 1916, и "Остраф Пасхи", 1923. В "Посвящении" к роману "Парижачьи" писал: "Я не люблю вещей понятных сразу")
Один из лучших русских романов XX века, оставшийся незамеченным, так как впервые вышел маленьким тиражом в Париже в 1930 году, а в Москве был переиздан слишком поздно (1995, изд-во "Гилея"), когда интерес к запретной литературе пропал. Удивительная история Ивлиты и Лаврентия (возможно, псевдоним Иисуса Христа). "Иногда Ивлита спрашивала себя: почему Лаврентий противоположен жизни? Может, он - смерть?" Книгу собирался экранизировать Робер Брессон, но испугался.

ДВ

Всеволод Иванов. Похождения Факира.

Одна из всего двух road books русской литературы (наряду с "Очарованным странником" Лескова), одна из лучших книг 20 века, шедевр, достойный стоять в одном ряду с классиками, а вместо этого почти никогда не переиздававшийся и почти никому не известный. Медленное, длинное, вдумчивое, написанное великолепным языком и наполненное интереснейшими событиями и удивительнейшими описаниями путешествие лирического героя Иванова, некрасивого, но доброго подростка, через предреволюционную Российскую Империю.

ОК

Роберт Вальзер - практически все его творчество идет поперек человечества, литературы и биологии; гений, ушедший настолько далеко и не туда, что нам (даже как биологическому виду) его не догнать уже никогда. (Прим. ред.: Роберт Вальзер (1878 - 1956), швейцарский писатель и поэт, автор стихов, рассказов, сборников короткой прозы и нескольких романов (по одному из них, "Якоб фон Гунтен", британские аниматоры братья Квей сняли в 1995 году свой первый игровой фильм "Институт Беньяменты"). Начиная с 1900-х Вальзер, никогда не принадлежавший ни к одной школе или литературному движению, начал поиск новых литературных форм, способных адекватно отобразить радикально изменившееся восприятие мира. Несмотря на внимание узкого круга ценителей, среди которых были Кафка, Гессе, Цвейг и др., для критиков творчество Вальзера долгие годы оставалось загадкой, периферийным явлением литературного процесса, а его в высшей степени экспериментальная проза 1920-30-х гг. вообще проходила по ведомству "психопатологии" - последнюю треть жизни писатель провел в приюте для душевнобольных. Только в 1970-х началась вторая волна интереса к творчеству писателя, которого Сьюзен Зонтаг назвала "Паулем Клее прозы, добродушным, нежным Бекеттом") Цитату см. на последней странице этого номера.

МН

(ДВ): **Дмитрий Волчек**, *писатель, переводчик, издатель, редактор "Митиного журнала"*
(АЛ): **Андрей Левкин**, *писатель, аналитик*
(МН): **Максим Немцов**, *переводчик, редактор*
(ОК): **Остап Кармоди**, *журналист, переводчик*

texxxt

1. ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД

Не люблю всякие бычьи мелодии, да и мобилки тогда ещё не программировались. Так что мой телефон звонил просто и жестоко, на самой большой громкости, я глуховат, артиллерист.
Любой звонок в час ночи тогда означал какую-то хуйню, приключения, от которых уже кумарило.
Звонил товарищ, мелкий фабрикант, я служил у него менеджером по связям с общественностью, она тогда была очень активна.
- Привет, можешь приехать? - нервный голосок, скороговорочка.
- Могу. Что-то случилось?
- Не по телефону.
Во-во, это самая что ни на есть хуйня, когда не по телефону...
А дело было так.

Товарищ, со своим приятелем Сашей, вышли из офиса за сигаретами. Это было время ларьков, девяносто пятый, фонари почти не горели на улицах, и жизнь освещали ларьки.
Ошибкой было обнажение полтинника. Компания

7242

молодых людей, человека четыре, тусовалась у стойбища ларьков, очага культуры на этой забытой Богом улице.
Главный урел, его называли Слива, не знаю, погоняло это или фамилия, подошёл к мирным покупателям и поинтересовался, что означают длинные волосы и серьги в ушах. И предложил отойти за ларьки, во тьму, поспорить, стоит ли на их улице и так далее.
Фабрикантов его предложение не сильно заинтересовало. Диспуты эти они знали, ещё со времён хиппи, и спорили не раз, с переменным успехом.
Они стали отступать в сторону офиса, а Слива с компанией, соответственно, стал преследовать.
В критический момент, никто ещё не знал, что он критический, главшпан достал из-за пояса огнестрельный предмет, скорее всего, самопал, и рявкнул, как герой Котовский: "Ключи от машины сюда!".
У фабрикантов был убитый "Фольксваген", второй гольф, который вызывающе красно стоял у входа в офис.
Дальше всё было как в кино. Саша, друг фабриканта, открыл машину, достал из-под сидения пневматический пистолет, выстрелил - и выбил Сливе глаз.
Он служил в спецназе, в Афгане, а после войны отпустил длинные волосы и продел в ухо серьгу.
На меткость стрельбы это не влияет.
Дальше приехали мусора, свидетели, составлялись протоколы.

Не помню, когда я в последний раз так смеялся.

Отсмеявшись и приколотив ещё, я начал выяснить, что от меня требуется, пока при памяти.

Оказалось, мусора, увидев офис, компы и "Фольксваген", решили подоить двух коров. По крайней мере, намекнули, что нельзя выбивать хорошим людям глаза.
Идея была в том, чтобы я донёс до Сливы смысл поговорки: "Кто старое помянет…".
Трава была хорошей, я сразу сообразил, что делать.
На следующий день я с приятелем поехал в больничку, где лежал Слива, проведать раненого. До этого заехали на рынок, за инвентарём.
Лифт не работал, и мы поднимались пешочком, на седьмой этаж, в глазное отделение.
От этого наше отношение к Сливе лучше не стало.
Когда мы подошли к будке медсестры, чтобы выяснить, где именно его, барана, искать, тусовавшие по коридору слепые стали расходиться по палатам. Наверно, их насторожил наш диалог, в котором часто повторялись слова "хуйло, сука, смотри, бля, куда забрался, ебучка одноглазая, не хватало ещё, чтобы каждый пидарас…".
На перехват нам бросилась какая-то женщина, мне по пояс, с плоским как блин ебальником. Одета она была в коричневое кожаное пальто с воротником из чернобурки.
- Я вас не пущу до моего сына!
- Мамочка, да Вы что, мы же поговорить, у нас хорошие новости.
- Не пущу, шо вам надо, не надо вам с ним говорить!
Через пару минут уговоров она согласилась пустить одного из нас.
Хуй его знает, чем она руководствовалась.
В палате я обнаружил Сливу. Такой себе штришок, боевой поросёнок, мясо с салом. Стильный пацан, синие шерстяные рейтузы в обтяжку, клетчатая рубашка, под ней тельняшка, на руке корявая портачка и "Командирские" часы.
Беседовали мы недолго, он говорил, говорил, что у него нет глаза, как он будет работать, нужна компенсация, я кивал, кивал.
Потом он согласился с моими доводами. Мы попрощались, и я оставил его выздоравливать.
Помахав ручкой мамаше, мы похуярили по лестнице, ну, вниз - это не вверх.
Шило, которое я показал Сливе, выбросил из окна машины, нахуя оно мне нужно, я вообще-то не хозяин, у меня и дома нет.

2.ЛИЦА СОСЕДЕЙ

Хата была средняя - двухкомнатная, на шестнадцатом этаже, жлобская до делов.
Хозяева мне не понравились сразу же, с первого взгляда - акцент, огромная нутриевая шапка хозяина, жена его жирная.
Им за каким-то хуем понадобились деньги, и срочно - съезжали в спешке, оставили весь свой быт, фотографии, десяток макулатурных книг, инструменты, детские вещи - профи так не делают.
Предыдущие мои хозяйки, вот те сдавали квалифицированно - в ней нечего было взять на память, ни тарелок, ни чайника, ни утюга, даже ножа не было. Они вообще были смешные, две дылды, мама с дочкой, матрёшки с нарушенной субординацией, маму можно было вставить в дочку.
Даже макияж у них был одинаковый, вульгарный, почти клоунский - таких женщин я встречал в дурдоме, маялись манией. А в ванной у них на серой стене было нарисовано тёмно-серое восходящее солнце, как на популярной когда-то наколке "УТРО".
К тому времени я больше года скитался по всяким таким хатам и научился чувствовать враждебность чужого жилья всей поверхностью, кожей. Новое убежище мне не понравилось, встречались квартиры и пожестче, после убийств, но это было какое-то безысходное: перекошенная, нависающая над головой тёмная полированная стенка, бордовый поломанный диван, грязно-жёлтые обои, красные атласные шторы, хрустальная люстра из пластмассы, самодельная вешалка с литыми алюминиевыми крючками, как в пионерских лагерях… Всё имущество было не просто дешёвым и поломанным, нет, оно изначально, ещё с фабрик выходило хуёвым, в городах только

7243

последние жлобы покупали такое говно.
Именно в таких квартирах КГБ устанавливал в стенах "генераторы мыслей" и облучал.
Мысль сразу же пришла правильная: "Неплохо бы под Новый год на этой люстре повеситься, сделать быкам подарок".
Серьёзной работы в то время у меня уже не было - так, мелочь, делишки. Например, был смешной заказ, какие-то мелкие бизнесмены попросили выбить их партнёру, шустренькому старичку, зубы. Выяснилось, что он им задолжал, а на стоны ответил так: "Страна в кризисе, денег нет, и когда будут - не знаю. Да и вообще, у меня зубы болят, мне в первую очередь нужно заняться здоровьем".
Зубы выбили, но это не масштаб, так, типа развлечения…
Девяностые заканчивались, беспредел тихо превратился в педерастию - все писали заявления, судились, страх теряли.
Тихо, как и положено нелегалу, я стал обживаться на этой хате и сразу столкнулся с тем, что хозяева (после первой встречи я их окрестил "соседи") принимают слишком активное участие в моей жизни.
Соседи ломали рамки отношений, они приходили (всегда вдвоём!) по выходным, забирали свои вещи, приносили новые, задавали вопросы, время от времени интересовались паспортом, как-то поймал соседа - лез в холодильник, какого хуя, спрашивается…
Не нравилась мне и деревянная дверь - она легко выбивается кувалдой, и лёжа мордой в линолеум, в полшестого утра, в наручниках, остаёшься только улыбаться голой жопой группе захвата и понятым.
На все мои предложения поставить железную дверь:

"расходы пополам, в счёт квартплаты, вам же останется, на всю жизнь, и детям вашим" - соседи отвечали одинаково: "Двери новые, замочок новый, итальянський, хочеш ставить - ставь, а нам не трэба". Дней через десять замок заклинило, двери я выбил, уебал один раз, они и треснули по вертикали, почти посередине, картонные - привет из мирных времён застоя, когда воры не выбивали двери, а открывали их.
Соседи примчались через час - кто-то им стукнул, такие же ебучие соседи.
Долгие переговоры ничего не дали, соседи упёрлись, я смирился с тем, что мне придётся поставить новые двери за свой счёт, либо чинить их двери, с которыми они "ещё жили б и жили".
Я выдворил соседей, вызвал мастера, сидел и ждал его, и ещё думал, не сходить ли за бутылкой.
В голове крепко засела мысль: "Во всех несчастьях моей жизни виноваты жлобы". Я вспоминал детство в гетто, школу, армию, тюрьму…
Так оно и есть - всё из-за них, проклятых…
Когда пришёл штрих с рулеткой, я уже знал, что делать, широко улыбался, чем его слегка озадачил.
- Глазок делай вот так, - сказал я и встал у косяка. - На высоту глаз!
Мастер, молодой жлобок, слегка охуел.
- А не высоко?
- Хуйня, у нас в семье все высокие!
Спорить он не стал, и к вечеру уже стояла железная дверь - краснокожая красавица, на века, и глазок (мастер назвал его "рыбий глаз") был на месте. Утром припёрлись соседи взглянуть на новые ворота, насладиться приращением в хозяйстве.
Сосед подошёл к двери, нажал на золотую ручку, погладил красную дерматиновую обивку (я выбрал самую красную, чтобы не нарушать стиль), привстал на цыпочки, вытянул шею, так, что одно ухо прижалось к плечу, до глазка чуть-чуть не достал…
- Шото вроде глазок высокувато?
- Мастер, баран, размеры перепутал, - улыбнулся я, представив, что сосед будет вспоминать меня каждый раз, когда ему позвонят в дверь. Всю жизнь.
Ключей я им не дал.
Потом было всякое на этой хате - неизвестно откуда прибилась херсонская девушка, молодая и симпатичная, хоть и слегка шершавая на ощупь. Она убирала в хате и стирала, а я её кормил и ебал. Чем не семья, только детей не было.
Ебал я её исключительно в жопу, сама попросила. Там же мы начали пороть Запакованного, но это уже другая история.
Съезжал я оттуда в марте, в последний

раз убирала там херсонская, которая сразу после Нового года подалась в Москву, поискать себе лёгкого хлеба.
Холодильник поломался, лучше было его вообще не открывать - пахло смертью.
Стояла осыпавшаяся ёлочка, люстру мы давно разбили, обломки валялись по всей хате.
Ёлочку я украсил портретами соседей - нашёл пачку семейных фотографий, вырезал лица и нанизал на нитку, получилась гирлянда желтоватых лиц.
Надеюсь, что им похую, и они меня уже не проклинают.

3.НАСЛЕДСТВО

Ехать было далеко, за шестьсот километров. Никакого заработка, ехали по общему делу, поманеврировать в этом убогом городишке.
Как военный флот, заходящий в чужие порты, показать флаг с мёртвой головой.
Модные мобилки, "Моторолы", носили специальные люди, в руках, как ядерные чемоданы.
Телефоны попроще были намертво прикручены в машинах.
За городом они не работали, да и в городе брали не везде.
Чтобы не потеряться в дороге без связи, решили ехать караваном, а встретиться за КПП на рассвете.
Караваны в то время ходили часто, и мусора на КПП по ночам записывали номера машин. Примерно тогда же на КПП стали строить ДОТы.
Наш старший, Санёк, мутный шустренький дядя лет сорока, дал мне ключи от хаты. Он как раз начал богатеть и работал на износ, лез в каждую дырку, боялся ошибиться, над ним тоже был старший, а вокруг завистники.

- Вован, заночуете на хате, соберётесь с вечера, пусть водилы отсыпаются, а вы так перекантуйтесь, кроватей на всех не хватит. В шесть утра на трассе, первый мост за КПП. Сильно не бухайте и не тушите бычки об стол, а то поприбивали, на хуй.
- Это что, твоя хата? Чего ты колотишься? - Санёк явно перерождался, вёл себя не по понятиям, столы какие-то, думал о незначительной хуйне.
Впрочем, хуй его знает, он мог таким и был, я его плохо знал, он был новым старшим, предыдущий пропал без вести, а тот, что был ещё раньше, получил восемь лет строгого.

- При чём здесь колотишься?! - зачастил Санёк лагерной скороговорочкой. - Хата съёмная, дорогая, я там и с тёлками зависаю, друзья приезжают, короче, ты понял, не хулиганьте, не ведите себя как всегда, пора культуры набираться, - и заржал как конь, показывая, что это шутка, всё путём, братва, и всё такое.
- Как скажешь, - я взял ключи, и мы поехали.
Хата и в самом деле была дорогая - три комнаты, импортная мебель, посуда, круглая ванна с чёрным зеркалом на потолке, здоровый телевизор - я в такой хате был первый раз, понял, чего Санёк колотился.
Особенно, когда увидел на полированном столе следы от окурков. Были, значит, случаи.
Выпили на восьмерых три литровых водки.
Палёный в Закарпатье "Распутин" вставил сразу, закуски не было, всё не по-доброму, да и обстановочка, зеркало в ванной.
Разврат ожесточает сердце, а жестокость склоняет к разврату.
- Вован, так Санёк здесь с тёлками зависает? - поинтересовался Рыжий, молодой ветеран движения, начинавший ещё с напёрстков. С каких-то хуёв он считал себя продуманным и всегда начинал издалека.

- Надо газету купить, с объявлениями. Закажем двух дур на всех, лавэ есть, мне Санёк дал, - мы давно уже понимали друг друга с полуслова.
- Да нахуя дурам платить, лучше раздербаним эту сотку. А сутенёры залупятся - забьём в говно! - это уже голос народа, наверно и у Махно так же решались важные вопросы.
- Могут деньги вперёд, суки. Ладно, там видно будет, пиздуйте кто-нибудь за газетой. И бутылку ещё купите.
- А эти? - Рыжий махнул рукой в сторону спальни, где храпели водители. - Разбудим?
- Пускай спят, не хватало ещё разбиться на хуй.
Рыжий рванул за газетой.
Через десять минут, усевшись вокруг стола, мы изучали газету, как крестьяне в кино.
- Так, "Маркиза для вас", "Красавицы скучают", "Ночная бабочка" - куда будем звонить?
- Давай в "Маркизу" - они в центре, хоть не будут два часа добираться.
- Дурак, это ж диспетчера телефон, а дуры на другой хате, могут вообще в какой-то жопе сидеть, это без разницы, какой у них телефон, - ещё один умный, кличка Двоечник.
- Что значит дурак? Ты гонишь, вася?
- Кто вася?!- Санёк был прав, хулиганство - это наш образ жизни.

Я набрал номер, после затяжных гудков на той стороне сняли трубку.
- Алё, - скрипучий женский голос.
- Я по объявлению, - долго говорить с обладательницей такого голоса не хотелось, разве что застряв в лифте.
- Два часа - пятьдесят долларов, час - тридцать, - проскрипела трубка.
- Давайте, двух девушек, на два часа.
- Вас там сколько? - подозрительно скрипнуло в трубке, наверно услышала голоса.
- Мы с товарищем, - спокойно сказал я, жестами показывая остальным на трубку, на лоб, а потом просто пригрозил кулаком.
- Хорошо, какой у вас адрес?
- Сейчас посмотрю, - я полез за запиской с адресом, которую мне дал Санёк, и зачитал.
- Мы не поедем, - в трубке не скрипнуло, а звякнуло.
- Что значит, не поедете? Почему?
- Вы лучше знаете.
Короткие гудки.
Минут пять мы проклинали скрипучую дуру. Рыжий нажал повтор, рассказал в трубку, через сколько минут мы у них будем, и что сделаем со старой блядью. В третий раз дозвониться не удалось, поставили в "чёрный список" на АОНе.
Стало интересно, я никогда не сталкивался с такими выходками, обычно просто не приезжали, если что-то подозревали.
В течение часа мы обзвонили всех "красавиц", "волшебниц", "бабочек" и "кошечек". В "кошечках" прохрипели: "Этот адрес не обслуживается", - видимо на телефоне сидела бывшая официантка. "Красавицы" попросили больше не звонить. "Очаровательные" просто положили трубку.
- Бля, да что тут было? - даже самый нелюбопытный, Рома, работавший раньше на бойне, заинтересовался.
- Хуй его знает. Да может оно и к лучшему, один раз вот так жду халяв, звонок в двери, смотрю - а там два ОМОНовца стоят. Я волыну в окно, открываю - а они мне: - Девочек заказывали? - подрабатывали, суки.

Вечер воспоминаний, мата, "Распутина" и телевизора.
Наутро мы храпели в машинах, ехали хуй знает куда, навстречу судьбе. Пили воду, как Распутин в проруби.
Закончив визит вежливости, пообедав, попёрлись домой, без ночёвки, да и где заночевать сорока разбойникам…

В оформлении использованы фотороботы подозреваемых, изготовленные сотрудниками Жовтневого РОВД г. Манкермана (1994–96 гг.)

Я сел к Саньку в машину и рассказал ему эту историю. Он заржал и, не отрываясь от дороги, была ночь и дождь, раскрыл мне глаза на загадочное поведение проституток.
- Там у меня запорожские пацаны останавливались недавно. Вот они и погуляли.
- В смысле? Не заплатили и охранникам дали пизды?
- Да ты хуёво их знаешь, Вован. Они говорят этой твари: "Смотри, не пришли каких-нибудь поганок, чтоб тёлки были хорошие", - Санёк опять заржал.
- Ну и?
- А привезли каких-то халяв грязных - так они сутенёра в сраку выебали.

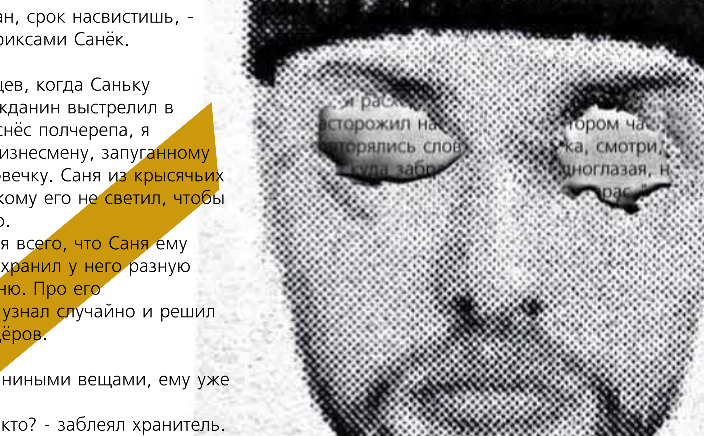

- Да ты что? Выебали? - я не на шутку удивился и задал глупый вопрос: - При тёлках?
- Ну да.
- А телок тоже? - я задавал ненужные вопросы, чтобы скрыть свою растерянность.
- Да нет, нахуй они нужны.
- Нехуёвые запорожские, - я тихо присвистнул.
- Не свисти, Вован, срок насвистишь, - снова сверкнул фиксами Санёк.

Через пару месяцев, когда Саньку неизвестный гражданин выстрелил в затылок из ТТ и снёс полчерепа, я помчался к его бизнесмену, запуганному маленькому человечку. Саня из крысячьих соображений никому его не светил, чтобы не заносить долю.
Барыга так боялся всего, что Саня ему почти доверял и хранил у него разную нелегальную хуйню. Про его существование я узнал случайно и решил опередить мародёров.

- Привет! Я за Саниными вещами, ему уже не надо.
- Простите, а вы кто? - заблеял хранитель.
- Ты что, хуйло?
- Понял. Вот, только видеокассеты, больше нет ничего, ничего нет, - запричитал коммерсант, красиво, со слезой.
- Ладно, хуй с тобой. Крыша будет та же, а деньги будешь давать через меня. Понял?
- Понял.
- Ну, будем дружить, - я забрал три кассеты и пошёл.

На первой кассете блядям ставили клизмы, а потом жрали говно. Один порнушник был похож на Гитлера. Сильно похож, только усы побольше и голый.
На второй кассете жирный, кучерявый, похожий на литовца блондин с бородкой подвешивал дур на верёвке, обмотав эту верёвку вокруг сисек. Пиздил кнутом, плётками, мухобойкой и бамбуковой удочкой. Подвешивал к пизде килограммовые гири от рыночных весов и гири от ходиков, в форме еловых шишек.
На третьей - суровые культуристы в белье от "Кэлвин Кляйн" ебали друг друга в рот и жопу. Ну, допустим, про культуристов я и раньше догадывался.
В одиночестве я сидел перед телевизором, смотрел наследство Санька, прозревал.
И думал: - Какие ещё на хуй запорожские...

4. СВЯТАЯ ЛЕНА

Лена Петрова была проституткой и алкоголичкой, в свои двадцать с хвостиком. С таким именем-фамилией в девяносто третьем году рассчитывать на большее было глупо. Жила Лена на Лесном, и дом был возле леса, в подъезде жили бомжи, в соседях - цыгане, тусовалась с одной девушкой, Таней, кажется, - та путалась в своих именах, мы познакомились в Чехии, в 91-м... Проститутки любят создавать группы, артели, знакомятся "на теме", потом поддерживают знакомство, а потом втягивают всех более-менее пригодных одноклассниц, соседок, родственниц.
Таня ходила по улицам в латексной миниюбке, чулках с подвязками и на огромных красных платформах, которые называла "кандалы", а сверху парик.
Она была яркой личностью, даже умела играть на баяне.

Так вот, Таня и привела эту Лену, миловидную сероглазую девушку, в платочке и с огромными синяками на лице, плохо закрашенными тональным кремом.

В то время граждане приспособились к бандитизму, как приспосабливаются ко всему местному, не привнесённому на штыках оккупантов. Редко у кого не было родственника в банде, или не родственника, а знакомого, или знакомого знакомых, короче, как с проститутками - на одного самого мелкого бандита приходилось человек триста сочувствующих, которые могли к нему обратиться.

У Лены был какой-то сожитель, сейчас про таких говорят "прикольный штрих", но тогда, в грубое время, слов таких не знали, и для краткости я заочно окрестил его "ебуном". Так мы называли всех гражданских, с которых получить что-либо материальное было невозможно из-за отсутствия активов, но и вреда принести они тоже не могли. От обычного васи, лоха, ебун отличался тем, что портил жизнь окружающим - вот например, как этой Лене.
Она содержала его и себя, правда на минимальном уровне - работу свою она не любила, и еблась, только чтоб хватало на хлеб-вода, ну и, святое, на водочку. Может, ебун был максималистом, а может быть, Лена его утомила, не знаю, но повёл он себя не конструктивно.

Ссора произошла из-за гречневой каши. Всё свободное время Петрова была слегка под газом, перебирать гречневую крупу так же, как перебирали её наши матери и бабки - тщательно, она не могла. Может, для кого-то пара чёрных зёрен в тарелке - хуйня, не стоящая внимания, но максималист был не прост.
Ударив Лену по голове и по лицу утюгом, два раза, он постриг её, точнее - выстриг ножницами проплешину, с ладонь. Налысо обрили её уже в больнице, когда зашивали.
Заявления Лена не написала, да и мне не жаловалась, сидела себе в платочке, как попавшая под бомбёжку сестра милосердия.
Жаловалась Таня, артистичная натура, она рассказала всё в лицах, даже пару раз махнула сумочкой, как утюгом, впрочем, рассказ меня особо не впечатлил, все были живы-здоровы, так, обычная бытовая ссора.
Тем более, тянуть мазу за хуну запрещали понятия.

Вот здесь как раз и вмешалось бабло, девушки собрали, и хуна превратилась из презренной проститутки в невинно пострадавшую женщину, с Лесного массива. Дальше не интересно и слегка криминально, и не ради этого написано.
Лысая зелёная девушка, Лена Петрова, она не просила выбить ебуну глаз, отрезать ухо или поломать ногу.

- Нельзя ли с ним поговорить, чтобы он больше так не делал?

Святая душа, живи сто лет.

Владимир "Адольфыч" Нестеренко

Рассказы из сборника "**Огненное погребение**", выходящего в издательстве Ad Marginem

фото:станислав волязловский | <totem@public.kherson.ua>

Меня трудно удивить по мейлу. Нужно очень постараться, чтобы произвести на меня по мейлу хоть какое-то впечатление. Вы можете написать мне в электронном письме, что вы - моя больная малярией французская племянница, что вы согласны заплатить шестьсот евро за то, чтобы мне отдаться, что вы купили для меня мотоцикл "Хонда" и новенький пробковый шлем, и что если я не приеду в Крылатское в течение ближайших восьми часов и не привезу вам баночку свежей своей мочи, которая необходима, чтобы избавить меня от неотвратимо близящейся импотенции, вы разобьёте мне дверной глазок молотком и отравите моего хомячка. Вы можете даже приписать к этому всему ещё какую-нибудь милую глупость, я и бровью не поведу, а вместо этого пошлю вам ответ: "Счастье моё, жду тебя в полночь на ипподроме. Не пожалеешь!". Но вот пришло ко мне письмо, и всё во мне затрепетало. То есть я дочитал текст до конца и сказал "гм". Текст был таков:

Здравствуйте, Вадим и Анжела! Я приношу все возможные извинения за вторжение в вашу жизнь. Вы со мной не знакомы и видели меня всего один раз. Однако случилось так, что от вас зависит моя судьба в самом категорическом, если так можно выразиться, смысле. То есть в том случае, если вы не согласитесь встретиться со мной и

MENYA TRUDNO UDIVIT PO MAILU. NUZHNO OCHEN POSTARATSYA, CHTOBY PROIZVESTI NA MENYA PO MAILU HOT KAKOYE-TO VPECHATLENIE.

7248

поговорить, то я с очень высокой вероятностью в ближайшее время умру. К сожалению, это не шутка и не розыгрыш. Я прошу... Да что там прошу, я умоляю вас о встрече в любое удобное вам время.
Евгений.

Я прочитал этот текст несколько раз про себя и один раз вслух, после чего спросил Анжелу:
- Ты как считаешь?
- Я пись рисую, - ответила Анжела.
- Ты полагаешь, он и правда помрёт, если с нами не поговорит?
- Непременно.
- А если поговорит?
- Я думаю, что в этом случае он тоже обязательно преставится.
- Так что ж, не будем встречаться?
- Отчего ж? Вдруг он в нас влюблён и поебаться хочет?
- А вдруг он маньяк и хочет нас прищемить?
- Хотел бы прищемить, притворился бы, что хочет поебаться.

В результате я написал Евгению, что мы ожидаем его с шести до восьми на втором этаже "Якитории", подле большой сантехнической машины доктора Хофмана, расположенной на въезде в Мытищи с Осташковского шоссе.

рис | на!!!

Мы и полчаса не успели поиграть в дощечки и палочки, как он появился. Сравнительно высокий, кругловатый такой человек в серой брезентовой ветровке. Кроме того одет он оказался в джинсы "Юный Химик" и вязаную безрукавку-антиглобалистку о восьмидесяти разноцветных полосах, под которой видна была белая в тонкую кремовую полоску рубашка и чёрно-белый галстук. Он был злокачественно добродушен. То есть добродушие его имело ту фазу, когда ладонь при пожатии начинает напоминать переваренный холодный пельмень, а любые виды отдыха, помимо сиденья в тапочках на большом из рыжего плюша машкеристом диване за просмотром видеосказа о ста и одном пёстром псе, начинают казаться какими-то злобными. Добряк заказал себе шашлычок из детёнышей Спящего, кувшинчик тёпленькой, попил-поел и наконец защебетал.

- Я так готовился-готовился, но очень трудно начинать. Вкратце, был один вечер шесть лет назад, точней, почти шесть. Может чуть поменьше, месяца на два поменьше, сейчас апрель, а это было в июне, 2 июня. Мои друзья собрались у одной нашей общей подруги. Эта подруга была когда-то соответственно моей женой, впрочем, оно к делу не относится. Важно, что мы все поехали в Абрамцево. У моей бывшей жены произошел день рождения, мы взяли детей и завалились в Абрамцево на пикник. Нас было пятеро и двое детей. И там мы встретили вас. Вы сидели вдвоём на самом кончике широкого плоского мыса и пили портвейн. У вас был такой вид, ну как бы это... влюблённый, наверное, это называется. Я не хотел вам мешать, и Светик не хотела, мы постарались мимо пройти. Когда Лена крикнула: "Куда попёрли, тут место классное", у меня знаете, даже какой-то холодок в спине случился... Светику тоже это не понравилось. В обе стороны лежал совершенно пустой берег.

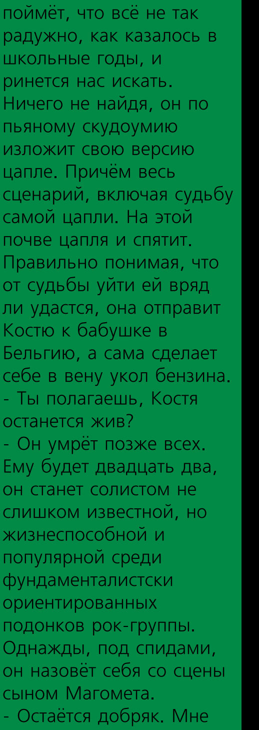
Было очевидно, что Лена из-за вас решила на этом мысе встать. Ну... Захотела вас с места выжить... Бывает у многих женщин... да почему у женщин, вообще у людей, такая черта... Обострённое чувство территории... Да что я говорю, это по-другому называется...

Тут-то я и впрямь вспомнил этот вечер. Тогда Анжела была ещё замужем, и мы не могли проводить вместе столько времени, сколько нам хотелось. Мы вернулись из Крыма, куда ездили тайком от анжелиного мужа и, не желая расставаться, решили прогулять пару рабочих дней и ещё хоть чуть-чуть побыть вместе, попить и потрахаться. Собственно, это был последний день нашего совместного отпуска. Мы поехали в Абрамцево, чтобы создать сколь угодно вырожденное, но всё же подобие завершившегося сладчайшего крымского уединения. Мы разговаривали о том, о чём обычно разговаривают люди в состояние гормонального шока, пили вино, и в какой-то момент нам стало действительно хорошо. Пруд был плоским, широким, кремовым, над по-медузьи, неоправданно холодной травой шел почти невидимый плоский белёсый туманчик. В воде вверх ногами висел сытным оранжевым в густо-синюю нитку горбом вечерний бор, а над ним плясало пингвинье яйцо березняка. В ельнике кто-то птичий не часто и глубоко не то ухал, не то вздыхал, и совсем уж редко падали в тамошней глубине на землю сухие ветки.

Так вот, как только нам стало по-настоящему хорошо, из кустов появились они. Впереди шел наш новый знакомый, в другой, более зелёной ветровке, рядом с ним шагала измождённая библиотечная цапля в зелёном же сарафане, выгодно обнажавшем цыплячью со сползшими под мышки верёвочными сиськами грудь. Такие женщины обычно способны в одиночку наполнить запахом мускуса спортивный зал. Очевидно, беззлобная природа подарила им мускусную железу такой мощности, понимая, что других причин к тому, чтобы ебать подобных дам, нет. Следом шёл ожирелый карапуз лет сорока пяти с застенчивой улыбкой, голдой на шее и слюной в углу рта. Он сплёвывал, подхохатывал, переваливался, в целом вёл себя как правильно пропеченный сырник в хорошей сметане. Сырник пёр спортивную сумку, битком набитую снедью и бухлом, за руку он вёл очень толстую и малоподвижную, похожую на зомби-бобра девочку. За сырником следовала предводительница этого бесстрашного народца, большеголовая, грудастая, пухлявая деваха с круглой, переваливающейся под спортивным костюмом из салатового шелка жопой, толстенными, постоянно сползающими куда-то набок лица губищами (это случалось с ней от разговора, а говорила она очень громко и не переставая, причём преимущественно в командной или уничижительной интонациях). Волосы у девахи тоже были толстые, грубо вытравленные перекисью, стянутые на затылке в толстый корявый хвост. Деваха тащила за руку полудохлого, похожего на призрак лягушонка мальчика с огромным игрушечным автоматом в руках. Надо ли говорить, что мальчик из этого оружия, не переставая, стрелял. Позади всех шел малорослый, но хваткий улыбающийся, смазливый и чернявый хлыщок. В кокетливой куртейке из импортного стильного кожзама и правильных шелестовских кроссовках. Хлыщок лукаво и довольно улыбался, словно собирался сегодня же ночью вступить во владение скоростным пароходцем "Ласточка". Мне мгновенно стало ясно, что хлыщок оказался на этом празднике жизни потому, что ебёт обеих присутствующих дев.
Евгений и цапля прошли за наш мысок, и мы вроде выдохнули, как вдруг деваха громко и с аберрациями заорала: "Женя! Света! Куда, блядь, пошли? Смотрите, место какое достойное!".
Некоторое время мы честно терпели происходящее. Мы вынесли непрестанно подкатывающийся к нашим ногам мячик, за который дрались вышеописанные дети. Крепкая и немногословная девочка всякий раз побеждала, ударяя мальчика со всей дури в бледный, словно совершенно лишённый хряща нос жирным, в красных пятнах кулаком. От этого мальчик падал навзничь, удивлённо корчился и уползал в лес. Девочка какое-то время держала мяч в победительном оцепенении, после чего начинала тормошить цаплю, звучно квакая: "Тётя Света, сходите за Костей, он опять в лес один ушёл".
Мы вынесли громовой рассказ девахи о том, что в прошлом году они точно так же, как мы вот тут сейчас, сидели с сырником на Кипре.
Мы даже перенесли фразу сырника: "Костя, чего ты в папу стреляешь? Иди лучше чужих застрели!". Всё это мы перенесли. Как это обычно и бывает, нас умотало искусством. Эти существа включили магнитофон.

- Анжела, - сказал я. - Мы, конечно, можем сейчас уйти, но сама понимаешь, просто так уходить не правильно.
- Что ты предлагаешь?
- У меня вот какая мысль, - сказал я. - В чём состоит их вина? В том, что они распорядились нашим временем, точнее, последним нашим счастливым вечером перед вынужденной разлукой. Я предлагаю поступить с ними так же.
- Как ты думаешь, кто из них первый умрёт? - спросила Анжела.
- Я полагаю, что вон тот мелкий, черняведенький.
- А почему?
- Ну, хотя бы потому, что он не то мент, не то гэб. Кроме того, он еблив и нагл до неприятности.
- Я тоже так думаю, и знаешь, как его убьют?
- Очень любопытно?!
- Ему вобьют в темечко стамеску. Ну может, не совсем стамеску... Может ножницы, но что в темечко, сомневаться не приходится.
- Следующим станет жирный. Мелкий его крышует, и после смерти оного жирный зассыт. Ссать будет совершенно нечего, он и его табуретковый магазин никому совершенно не втарахтелись, и своё знакомство с мелким он никогда на практике не применял, однако ему просто будет непривычно жить, зная, что в случае чего некому сразу же позвонить. От нервов он загуляет, потянет спину, поскользнувшись в бане, друзья посоветуют ему от болей героин. В течение года он проторчит магазин и загнётся от цирроза. Печень у него и сейчас говно-говном. Стоит ли говорить, что магазин отойдёт другу-советчику.
- Следом за ним, понятно, завершится его крикливая вагина. В отсутствие магазина и ёбаря, она сильно запьёт и свалится с моста в Москву-реку, вместе с "Ниссаном" и дочерью.
- Совершенно верно. Дальше же будет вообще интересно. Добряк, - ты видишь, он сейчас слушает нас вполуха - единственный из них поймёт, что всё не так радужно, как казалось в школьные годы, и ринется нас искать. Ничего не найдя, он по пьяному скудоумию изложит свою версию цапле. Причём весь сценарий, включая судьбу самой цапли. На этой почве цапля и спятит. Правильно понимая, что от судьбы уйти ей вряд ли удастся, она отправит Костю к бабушке в Бельгию, а сама сделает себе в вену укол бензина.
- Ты полагаешь, Костя останется жив?
- Он умрёт позже всех. Ему будет двадцать два, он станет солистом не слишком известной, но жизнеспособной и популярной среди фундаменталистски ориентированных подонков рок-группы. Однажды, под спидами, он назовёт себя со сцены сыном Магомета.
- Остаётся добряк. Мне почему-то кажется, что он...

Евгений сильно нервничал. На лице его появились красные острова, а в правом уголке рта слюнная пенка. Он заикался, но продолжал.
- Так вот, всё это случилось. Именно по тому сценарию, что вы тогда сочинили или создали, как там у вас это называется.
- Простите, у кого у нас? - уточнил я.
- А откуда мне знать, кто вы такие? В общем, сначала Тимура убили, ночью в гараже. Он был с женщиной. Следствие считало, что это она сделала. Отвёрткой в темечко. Женщину не нашли. Потом Саша от цирроза умер, потом Лена с дочкой разбились, а потом... - Евгений стал совершенно белым, но не плакал, только в левом уголке рта выросла ещё одна пенная ватка, - потом я однажды напился, на Ленин день рожденья, и всё, что думал, Свете рассказал...
Я хотел спросить, жив ли Костя, но пенные катышки намекали на недопустимость вольностей.
- Извините, а что вы сейчас от нас хотите? - спросила Анжела.
- Ну, чтобы вы, наверное, остановили, этот... ну, процесс что ли... Вы же всё это как-то тогда... инициировали. Ну, я подумал, кто же кроме вас сможет всё это остановить?
- Ну, во первых, мы ничего тогда не инициировали. Мы таким образом просто старались не потерять лицо перед самими собой. Это была защитная игра. Так ведут себя многие, кто не хочет драться, отстаивая территорию, по каким-нибудь особенно скотским и омерзительным правилам. Со злости мы и впрямь могли слишком качественно оценить вашу тогдашнюю компанию и связывающую её ситуацию и случайно дать верные предсказания. Но предсказания - это не указания. Поймите, никто кроме вас не сможет остановить того, что вы называете "процессом". Что там должно было произойти по сценарию именно с вами?
- Я должен был повеситься, через месяц после смерти Светы, у меня должна была расстроиться психика, и когда мне отключили свет, потому что я за него не платил, я повесился один в тёмной пустой квартире. Сегодня мне отключили за неуплату свет, - наконец он сломался и заплакал.

- А почему вы не платили за свет?
- Ну так не вешайтесь! Если боитесь темноты, поезжайте к маме. У вас мама далеко?
- Мама умерла...
- Поезжайте к любой женщине. У вас есть одинокие подруги?
- Есть, Сима...
- Ну так и позвоните Симе, прямо сейчас, при нас.
- Зачем при вас? Я на улице позвоню. Я лучше пойду. Вы меня извините за вторжение в вашу жизнь...
- Посидите ещё пять минут, успокойтесь...
- Нет, я пойду. Ещё раз извините. Мне кажется, я квартиру не запер.

Евгений выбежал из зала. Я пошёл за ним и, выйдя из кафе, увидел, что он уходит прочь не по улице, а идёт куда-то в сторону Северной ТЭЦ, прямо по голому полю. Я ещё подумал, что наверное, он пошёл пешком в церковь.

Я вернулся в кафе, мы выпили по кувшинчику. Кусок не слишком лез туда, куда ему положено.
- Как ты думаешь, он нас послушает? - спросил я Анжелу.
- Думаю, нет
- То есть повесится?
- Если придёт в таком состоянии один в тёмную квартиру, повесится.
- Блядь, вот мудак! И звонить не стал! Поехал бы сейчас, хоть поебался бы!
- И не говори!

Мы переглянулись, то ли напуганно, то ли злорадно. Одновременно ухмыльнулись, сверкнув как-то вдруг чрезмерно резко повеселевшими глазами, и захихикали.

Вадим Калинин

фото: | стас волязловский/тотем<totem@public.kherson.ua>

фото:________________<вписать>

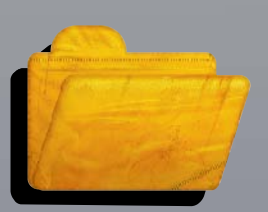

фото:ё ё <moondshtuk@mail.ru>

ПОКА ТЫ, ЧИТАТЕЛЬ, ШПИЛИЛСЯ В "ШАРИКИ" НА ОФИСНОМ КАМПУТЕРЕ, ВЕСЬ ПРОШЕДШИЙ ГОД НЕМНОГОЧИСЛЕННАЯ РЕДАКЦИЯ "НАШЕГО" НЕ БЕЗДЕЛЬНИЧАЛА, А ТРУДОЛЮБИВО СОБИРАЛА МАТЕРИАЛ ДЛЯ ТОЛСТЕНЬКОЙ КНИЖЕЧКИ ОБ ИСКУССТВЕ ПРОТЕКТОРАТА УКРАИНА 90-2000-Х ГОДОВ. ВОТ ОДИН ТЕКСТ И НЕСКОЛЬКО РАБОТ ИЗ КНИГИ.

Автор этого предисловия вырос в древнем городе, давшем Москве язык, старокиевский или новомосковский, тот, на котором говорит сейчас Москва и продолжает говорить Киев, правда, постепенно переходя на суржик, который и станет, в итоге, новокиевским языком, как только кто-нибудь догадается придумать для него правила.
Пока же суржик, жаргон быдлейшей прослойки общества, копит силы для рывка и ждёт своего царя Петра и патриарха Никона. Но мы отвлеклись от истории, погрузившись в языкознание, а эта дисциплина не прощает поверхностности: как известно, в языкознании был силён Сталин, а в истории - Гитлер, результат налицо.
Так вот, во времена, когда Украина была провинцией Великой России, или СССР, как угодно, она была читающей страной. Читала она, как и положено государству, которым управляли смекалистые дети кухарки, разную ерунду. Союзы писателей ежегодно выдавали на-гора множество книг, книжечек и брошюр, впрочем, брошюры были скорее по ведомству журналистики. Книги эти читать было невозможно. Для себя, именно что для себя, а не для своих, советские писатели имели оправдание - жестокость цензуры. Обсуждать же этот вопрос со "своими", собратьями по цеху не

илья чичкан, [жена генерала] из серии [психодарвинизм], 2005
фото **наталии машаровой**, благодарим **анатолия ульянова** и
http://proza.com.ua/

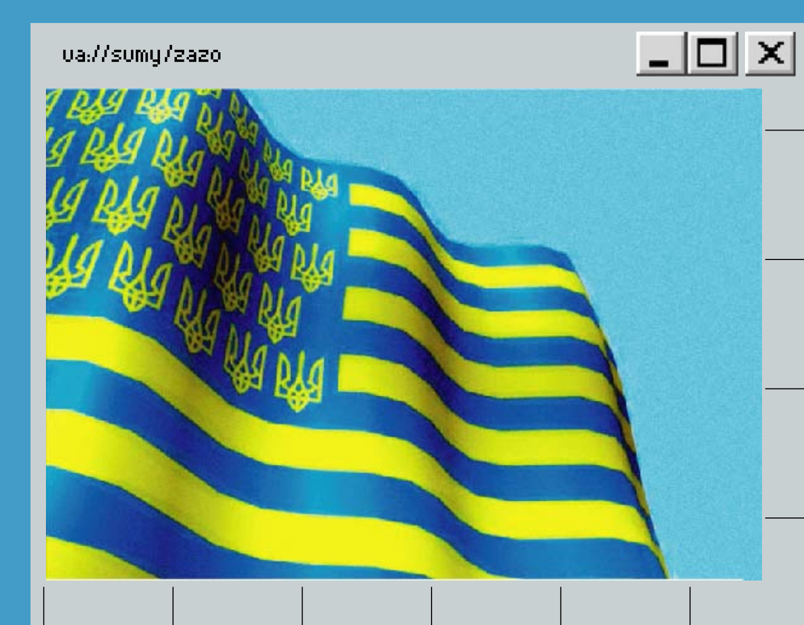
ua://bigbook

представлялось возможным, большинство "своих" было информаторами - как идейными, так и вполне платными. Если цензура, введённая при царе (так и хочется написать - Горохе) предусматривала изъятие крамольных текстов, то советская цензура предусматривала изъятие крамольных авторов, в разные периоды - из разных слоёв материи, при корифее языкознания - из ткани жизни, а при Брежневе, вожде, не чуждом писательству - из ткани литературы, за что ему большое спасибо, "а ведь мог бы и бритвой по глазам" как говорилось в анекдоте про Ленина и мальчика в Разливе.

Так вот - украинской литературы не было, хотя были уроки украинской литературы и Союз писателей. Но это признак времени - сейчас кто-нибудь из "неактуальных пидорасов", по меткому определению русского писателя Пелевина (хотя многие его таковым не считают, писателем, а не Пелевиным, разумеется), сказал бы про означающее без означаемого, про симулякр, но мы не будем повторять бред сивой кобылы с труднопроизносимой фамилией, быр-дрр-брр. В то же время, русская литература была, хотя плохонькая, хроменькая и кривоватая. Деревенская какая-то проза, антисемиты с вилами наперевес, столичные образованные семиты очень ценили.

ua://sumy/zazo

Дело в том, что из Запорожья украинский писатель мог уехать в Днепропетровск, из Днепропетровска в Киев, а из Киева в Москву. Русскому же ехать было некуда, вот и приходилось писать по месту жительства, на Родине.

У нас же, в (или "на", хотя лучше всего "на Вукраине") Украине царствовал жлоб, хуторянин, он был везде (забегая вперёд, можно сказать, что он и сейчас везде), в Союзе писателей и в Союзе журналистов, в Союзе театральных деятелей и Союзе художников, даже в КГБ, основной искусствоведческой организации, тоже был он. Жлоб - это в некотором роде антитеза мировому еврейству. Если евреи (не в смысле представители одного из маленьких, но великих мировых народов, а как источник всех унглюков, так понимал их Дедушка Гитлер) работают порознь, а объединяются в беде, то жлобы работают вместе, а в беде разбегаются или выдают\продают друг-друга.

Так вот - результатом работы жлобов стало следующее: все более-менее значимые люди - не важно, чем они промышляли: писательством, рисованием или вообще, стыдно сказать, архитектурой - были выдавлены из Украины. Кто мог - уехал за рубеж (а тогда это было равносильно смерти, и только иногда заклинатели духов с помощью приёмника могли услышать голос Довлатова или, допустим, Солженицына), а кто не мог или не хотел - в Москву, в Россию.

Мы, провинция, подпитывали метрополию не только хлебом и салом, о чём на протяжении многих лет говорили за банкой (литровой или трёхлитровой) ароматной самогонки, настоянной на марганцовке и растворимом кофе, городские жлобы во время ночных посиделок с кумом, но и лучшими людьми. Другое дело - нужны ли были наши лучшие люди метрополии, тот ещё вопрос. Знаю только, что НАМ они были нужны.

В результате деятельности жлобов в области отрицательной селекции украинское искусство (да и всё остальное, но мы сейчас об искусстве) превратилось в пафосный китч, причём в китч агрессивный.

Примеров масса, в Киеве стоит посмотреть на монументальные произведения тех времён, на Родину-мать, гермафродита с рашпилем в руке, или, допустим, на Арку воссоединения Украины с Россией. Думаю, в других городах тоже есть на что взглянуть.

И внезапно отрицательный отбор (а он был везде, во всём Союзе, просто когда в Москве ногти стригли, в Киеве пальцы рубили) перешёл из количества в качество, и во главе системы стал "тряпка, петрушка" которого "за человека приняли". Открыл ворота, разрешил.

Здесь мы переходим к основной части повествования.

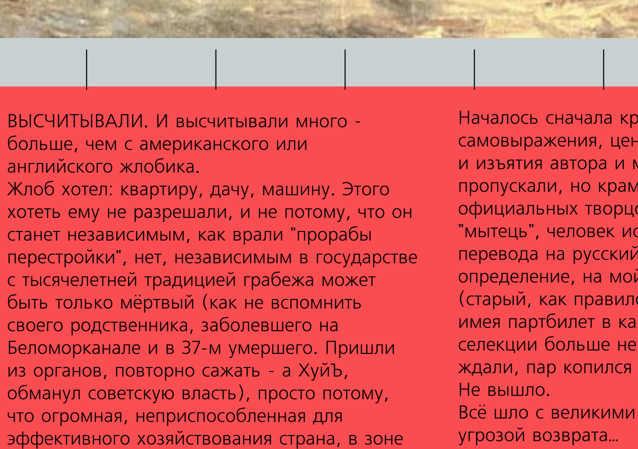
Что они нам разрешили.

Они разрешили жлобам быть жлобами. До этого, лет семьдесят, жлобами быть не разрешали. Не разрешали накапливать, стяжать, думать о мелком и в мелкое же погружаться. Точнее - всем этим и было занято население, потому что свинья была и останется свиньёй, наряди её в ермолку или прибей к голове оленьи рога - разницы нет.

Но в СССР, позднем, предсмертном был удачно завершен интересный эксперимент - построено общество потребления без потребляемых продуктов. Никаких подвигов и мирового коммунизма простой обыватель не совершал и не строил; максимум, что он мог - это работать и получать за свой труд минимум, чтобы не сдохнуть, остальное у него отбирало государство, которое что-то там строило, воевало по мелочи в дальних странах, осваивало космос и т.д. - но гражданин, обыватель, хам - он ничего этого не хотел и не делал, с него

ua://kiev/parcom/gnil

ВЫСЧИТЫВАЛИ. И высчитывали много - больше, чем с американского или английского жлобика.

Жлоб хотел: квартиру, дачу, машину. Этого хотеть ему не разрешали, и не потому, что он станет независимым, как врали "прорабы перестройки", нет, независимым в государстве с тысячелетней традицией грабежа может быть только мёртвый (как не вспомнить своего родственника, заболевшего на Беломорканале и в 37-м умершего. Пришли из органов, повторно сажать - а ХуйЪ, обманул советскую власть), просто потому, что огромная, неприспособленная для эффективного хозяйствования страна, в зоне рискованного земледелия, без дорог и всего прочего не могла дать жлобу машину, дачу и квартиру - просто не хватало. Заработать же самому... Многие из вас себе заработали, когда стало можно? Больше их, чем тех, которые потеряли всё? Мы бедные, вот и всё, весь сказ.

Но не важно. Важно, что пропаганда, а пропаганда ещё была, пусть бездарная, неконкурентноспособная, но назойливая, последовательная и всеохватывающая, говорила - жлобом быть нельзя! Хомяка могут достать из норки и снять шкурку.

И вот пришёл человек, невысокого роста, склонный к полноте, лысый, с родимым пятном на лбу, говорящий с жутким провинциальным выговором - и сказал: "Жлоб! Жыви, хуй с тобой!"

Вот тут-то и началось.

Началось сначала красиво. Социальный протест, свобода самовыражения, цензура стала как бы безопасной, без оргвыводов и изъятия автора и матери его. То есть - крамолу ещё не пропускали, но крамольника уже не наказывали, что ввергло официальных творцов (по-украински эта прослойка называется "мытець", человек искусства, творец, синонимов много, точного перевода на русский нет, ближе к западному artist, лучшее определение, на мой взгляд - претенциозный бездарный педераст (старый, как правило)). Вот эти "мытци", числясь украинофилами и имея партбилет в кармане, вдруг поняли, что отрицательной селекции больше не будет. Есть чего испугаться, ведь ждали же, ждали, пар копился семьдесят лет, вдруг, вот сейчас...

Не вышло.

Всё шло с великими страданиями, с колебаниями, уклонениями, с угрозой возврата...

Всего-то было несколько лет, 86-92-й. Безвластие, а жирок ещё был, ещё можно было жить, бедненько, но жить. Открыли границы. Внезапно многие творческие решили, что заграница хочет смотреть на наши фокусы. Так оно и было, в рамках программы "А вот говорящие обезьяны, которых мы боялись полвека". Вместо Москвы, с горшком гречневой каши и бутылкой портвейна писатель, поэт и художник увидел Парыж, с жабами, слизняками и ординарным белым винишком из погребов престарелых педерастов, жаждущих чего-нибудь особенного. Гранты, фестивали, культурный обмен, ещё какая-то пиздовня. Наши, отечественные артисты не считали для себя оскорбительным давать уличные представления, рисовать портреты праздно шатающейся иностранной публики, а дальше - больше.

Вскоре выяснилось, что фокусы, которые наиболее интересуют западного зрителя - это показ мест, откуда рождаются дети и выделяются экскременты. Продолжаются эти фокусы до сих пор, хотя уже не с таким пафосом.

Внутри же, в стране, всё пошло ещё более плачевно - совок, трижды проклятый, опостылевший, косный, неизящный и вообще, виноватый во всём - он давал жить.

Грабил, наказывал, давил в зародыше - но давал. Местечко в тёплой дворницкой, в котельной, какие-то переводы, мастерскую, два Ленина в год - и лепи что угодно, лишь бы без стоячего хуя во лбу и не верхом на свастике. Новая же жизнь не давала ничего.

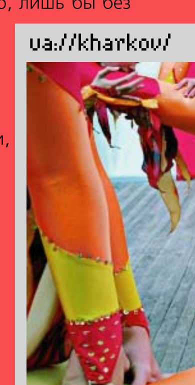
Постепенно в котельные пришли прирождённые кочегары, дворы стали мести настоящие дворники, а из мастерских и прочих мест попросили. Кого добром, а кого и за яички вывели. Народ же радовался, продавал, покупал, открывал фирмы и потихоньку проторговывался...

сверху справа по часовой стрелке: **илья исупов** [дети спасают голову гонгадзе] 2001; **александр гнилицкий** [рождение] скульптура,1994; арт-группа "**ЗАЗО**", кадр из клипа [вечер судного дня], 2006; **василий цаголов**, из серии [блуждающая пуля], 2004(спасибо галерее Марата Гельмана)

Владимир "Адольфыч" Нестеренко, специально для "НА!!!"

ua://kharkov/

ua://folk-art ua://kherson/totem

макс афанасьев+totem из серии [ландшафты] <totem@public.kherson.ua>

фото:станислав волязловский | <totem@public.kherson.ua>

Николай Трох. Манифест.

фото:николай трох (1961–2007)

Отношение к фотографии сильно изменилось. На фоне тотальной потери веры в любые непрагматические ценности аскетическое служение творчеству в целом воспринимается как проявление шизофрении, форма безумия. Социальная ситуация тиранически превращает мастеров в грубых ремесленников.

Занимаясь временами ради хлеба насущного абсолютно неинтересными редакционными заданиями, чувствую это и на себе. Типичная ситуация: двадцать фотографов снимают какое-то событие с одной точки для двадцати разных изданий. Газеты, в итоге, беспристрастно отражают этот культ фотопрагматики. Снимки можно демонстрировать как иллюстрацию коллективной безличности.

Смириться с миром, который нас сегодня окружает, я не могу. Привыкнуть к будничным изменам, махровой, маниакальной зависти. Главное же - к отступничеству от собственных взглядов и идеалов под "давлением обстоятельств". Трудные времена - не основание для кардинального изменения жизненных принципов. Квартировать совесть - смерть художника. Природное состояние для него - бунт. Перманентный бунт. Не стать конформистом, не уравняться с толпой. Многие мои коллеги, почувствовав запах денег, ринулись в рекламную фотографию. Мало того, что она создает искривленную, вымышленную, иллюзорную картину мира, в ней есть и элемент фашизма, дискриминации тех людей, чьи формы не отвечают стандартам топ-моделей. Если я это осознаю, должен создавать антирекламную фотографию, как можно правдивее фиксировать реальность в ее негероическом, непоказном проявлении, изображать, если хотите, ординарных людей.

Один мой друг недавно разорвал на куски подаренную ему фотографию, из старой моей серии - "Школьницы". Он говорит, что этот снимок пробуждал в нем воспоминания о временах, когда он был счастлив. На самом же деле, он стремится истребить память о себе. Так проявляется сегодня трагедия. Обыденно, тоскливо.

"Когда я смотрю на твои снимки, я не хочу жить", - услышал я недавно от одного коллеги. Я думаю, такое суждение - факт моральной глухоты. Анатомируя в некоторых своих работах насилие, агрессию, жестокость, я не возвеличиваю, а разоблачаю их. Да, я стремлюсь вызывать у зрителя отвращение к тому, что кажется мне в жизни мерзким, вульгарным. Мой метод можно бы было определить как утверждение нормы, красоты, гуманности от противного. Предмет изображения для меня - то, что возмущает, вызывает душевный дискомфорт, отчаяние. Грязь, глупость, тщеславие мира. Вообще, если серьезно занимаешься фотографией, то постоянно смотришь на мир как бы сквозь видоискатель фотоаппарата. Даже без камеры ты постоянно видишь множество ситуаций, содержащих в себе готовые, законченные художественные сюжеты.

Документальные, но в то же время абсурдные, сюрреалистические или маньеристские. Даже для постановочных, смоделированных снимков первичным остается именно непосредственный жизненный импульс.

Впрочем, "ставя кадр", я не ставлю перед собой цель воспроизвести ситуацию, которую не довелось "поймать" в жизни. Это документальные изображения подсознательных, тайных желаний, скрытых страстей, микроисследования чувственных и психологических моментов, которые человек запрещает себе проявлять открыто.

Я смотрю на жизнь, как на театр, в котором актеры постоянно импровизируют свои роли.

Сегодня в обществе четко определились две контрастные группы, между которыми - бездна. Разделяет же эти группы совсем не материальный достаток. Просто большая часть населения - мимикрировала, окунулась в исключительно материальные заботы, потеряла какие-либо метафизические ориентиры и бессмысленно выполняет деспотический ритуал будней. Но есть другие индивидуумы.

Окружающий ужас они приняли как данность, но желают жить по собственным правилам. Они не боятся быть самими собой - казаться странными или некрасивыми, смело выражать свои чувства, безоглядно радоваться, когда весело на сердце, и не демонстрировать притворно-счастливые гримасы, когда им грустно. Я, хоть это и может показаться парадоксальным, все-таки адресую свои работы первой, "зомбированной", группе. Я надеюсь, что мои снимки могут заставить их "расслабиться", проломить панцирь их зависимых, детерминированных представлений и сформированных обществом привычек, снимут с их глаз пелену банальности. Возможно, им повезет увидеть театр жизни, и они начнут смело играть роли, данные им природой, судьбой, а не будут ожидать суфлера, подсказывающего им текст, или режиссера, который расчертит им мизансцены.

текст для проекта [апология], НАШ#11'1999 (перевод с украинского)

Вот Он едет на осляти
Отчего же он убог? –
А потому что это, дети
Вочеловечившийся Бог

Отчего ж он так страдает
Волочит ужасный крест? –
А потому-то, дорогие
Это дело Бога есть

Отчего же это люди
Чуть чего – за топоры? –
А потому что они – бляди
Но до времени-поры

* * *

Вот молодежь ко мне приходит
А что я ей могу сказать
Учитесь? – да уже сказали
Женитесь? – женятся и так
А поженившись-научившись
Так это каждый проживет
А я скажу ей как злодей:
Живите там, где жить нельзя –
Вот это жизнь!

* * *

Чем больше Родину мы любим
Тем меньше нравимся мы ей
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал

* * *

Котеночек лежит премил
Что просто никакой нет силы
Но кто-то гвоздичком прибил
Его к дощатому настилу
О Боже!
- Котеночек, кто твой убийца?
Кто эта подлая свинья! -
Котенок тихонько смеется
Кровинка из него льется
Скользит, скользит и вдаль несется
И возвращается на дню
Ведя с собою полуптицу
Полуогромную свинью
И гвоздь в руках ее святится
Котенок тоненько смеется
И мне: Вот ты и есть убийца! -
- Да нет же! не я! не я! не я!
Не я! не я!
Не я! -
- Ты! - говорит полусвинья -
Ты

* * *

Господь листает книгу жизни
И думает: кого б это прибрать
Все лишь заслышат в небе звук железный
И словно мыши по домам бежать

А Он поднимет крышу, улыбнется
И шарит по углам рукой
Поймает бедного, а тот дрожит и бьется
Господь в глаза посмотрит: Бог с тобой –
Что бьешься-то?

* * *

Я глянул в зеркало с утра
И судорга пронзила сердце:
Ужели эта красота
Весь мир спасет меня посредством
И страшно стало

* * *

Сорочку белую надену
Друзей спокойных приглашу
И всех на месте порешу
Они поймут – такое дело
Такого дела-то заради
Они меня бы тоже, бляди
Порешили
Если бы им первым в голову пришло

* * *

Вот дождь идет, мы с тараканом
Сидим у мокрого окна
И вдаль глядим, где из тумана
Встает желанная страна
Как некий запредельный дым
Я говорю с какой-то негой:
Что, волосатый, улетим! -
Я не могу, я только бегать
Умею! -
Ну, бегай, бегай

* * *

Я устал уже на первой строчке
Первого четверостишья
Вот дотащился до третьей строчки
А вот до четвертой дотащился

Вот дотащился до первой строчки
Но уже второго четверостишья
Вот дотащился до третьей строчки
А вот и до конца, Господи, дотащился

Дмитрий Александрович Пригов
(1940–2007)

в рай ↑
трох
пригов
бергман
бодрийяр
воннегут
тётя валя
антониони
татарский
кормильцев
джеймс браун
саддам хуссейн

*

в ад ↓
анна-николь смит
джанфранко ферре
туркменбаши
пиночет
ельцин

ЗА ГОД, ПРОШЕДШИЙ С МОМЕНТА ВЫХОДА ПРОШЛОГО НОМЕРА, РЕДАКЦИЯ НЕОДНОКРАТНО УБЕЖДАЛАСЬ, ЧТО ХОРОШИЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ ЛЮДИ УМИРАЮТ ЧАЩЕ РАЗНЫХ МУДАКОВ (СМ. ДИАГРАММУ СПРАВА). ТАК УЖ ОНО ВСЁ МУДРО УСТРОЕНО (ЧИТАЙ СТИХИ ВВЕРХУ).

фото: **лена авдеева**, экспозиция **арт-москва**-2007

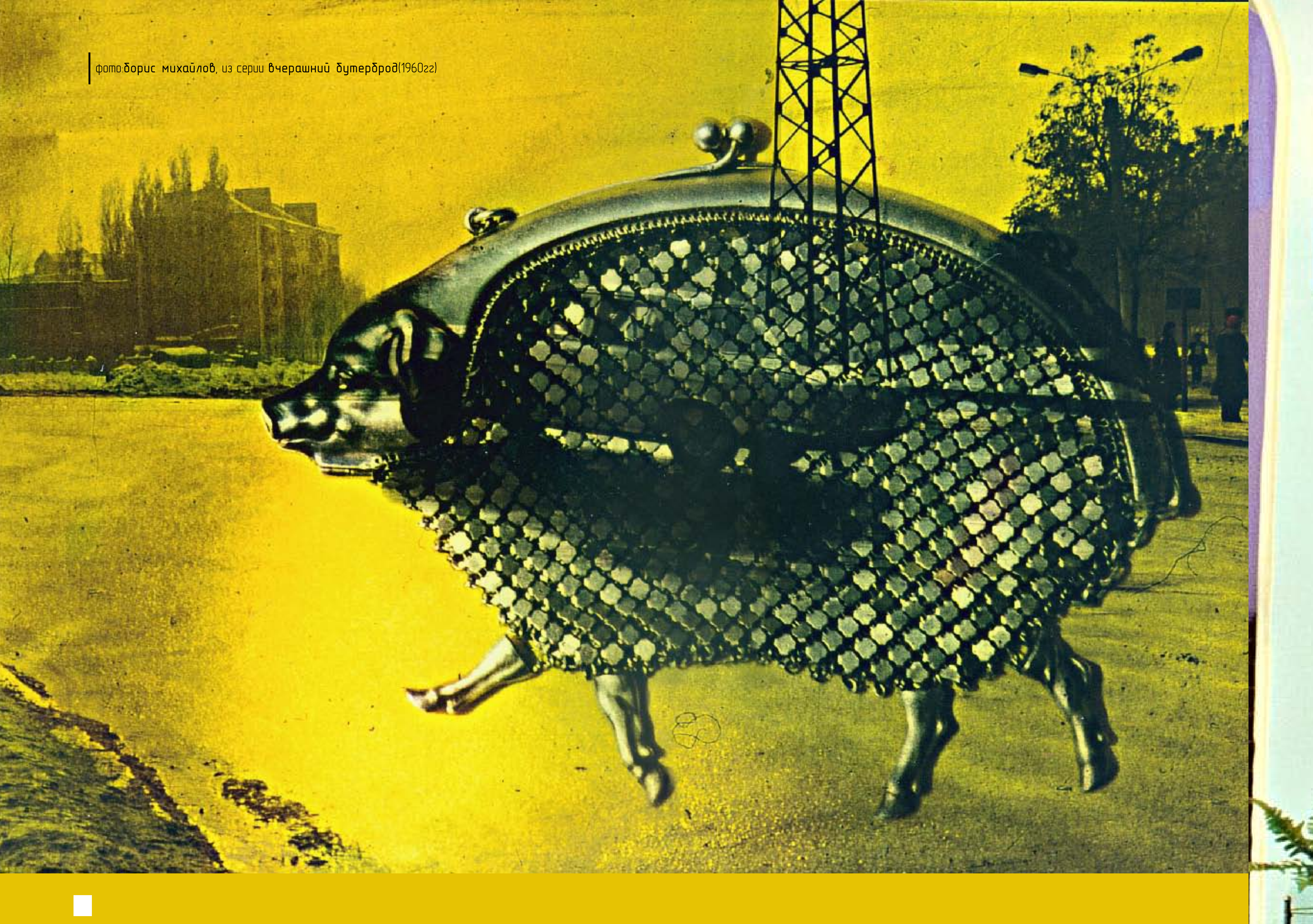

фото:борис михайлов, из серии вчерашний бутерброд(1960гг)

INSIDE

ВНУТРИ ЭТОГО НОМЕРА:

рис:marko maetamm

7258

Делать номер сильно помогала Юлия Ивановна Башакова, она же Жужа Шышыкина.

николай ридный, из серии украинская готика

WE LOVE UKRAINE

LAST PAGE

фото:варвара олефиренко<varvarart@rambler.ru>

7261

"...Наконец, Господь сжалился над этим презренным миром. Он взял Землю, которую когда-то изготовил за одно утро, и засунул её в мешок. Первое мгновение (слава Богу, только оно одно) было просто ужасно. Воздух стал твёрдым, как камень - или даже ещё твёрже. Он разбил дома в городе, и те уткнулись друг в друга, как пьяные. Горы поднимали и опускали широкие спины, деревья летали в пространстве, как чудовищные птицы, а само пространство в конце концов растеклось неопределимой желтоватой массой, у которой не было ни начала, ни конца, ни измерения, ни чего-то ещё, оно стало просто Ничем. А писать ни о чём нам представляется невозможным. Даже сам Господь Бог испарился из скорби о собственной жажде разрушения, так что этому Ничему не осталось ничего, даже определяющего, характерного цвета".

(**Роберт Вальзер**, "Мир", 1902)

фото:на!!!<pomidorov_nash@mail.ru>

тарасики

конкурс плаката в северной исправительной колонии № 90, херсон
все фото:лена афанасьева

сергей братков
ира из серии дети-III
собственность галереи риджина
см.стр.7250

ВСЕ ВОПРОСЫ
ЗАДАВАТЬ
СЮДА:

art@nash.org.ua